

спаслъ еси рабу Твою, очисти отъ всякаго грѣха, и отъ всякія скверны, приходящую ко святѣй Твоей церкви, да неосужденно сподобится причаститися святыхъ Твоихъ Тайнъ, и отъ нея рожденное отроча благослови, возрасти, освяти, вразуми, уцѣломудри, удобромудрствуй: яко Ты привелъ еси е, и показалъ еси ему свѣтъ чувственный, да и умнаго сподобится свѣта, во время еже опредѣлилъ еси: и сопричтется святому Твоему стаду... Принесеннаго сего младенца, явится Тебѣ всѣхъ Творцу, благослови, и на всякое дѣло благое и Тебѣ благоудное возрасти... да сподобився святаго крещенія, получить часть избранныхъ царствія Твоего...“ Эти для Толстого „непонятныя заклинательныя“ слова слишкомъ близки сердцу матери новорожденного младенца и потому не только совершенно понятны ей, но и вливають радость и успокоеніе въ ея душу... Съ свѣтлымъ и радостнымъ лицомъ она оставляетъ храмъ Божій...

Такое же великое утѣшеніе, не достигаемое никакими другими средствами, получаютъ отъ христіанской молитвы всѣ труждающіеся и обремененные, всѣ страждущіе тяжкими недугами, потерпѣвшіе въ жизни неудачи, обиженные и оскорбленные, лишашіеся близкихъ сердцу людей, скорбящіе, угнетенные, умирающіе... А потому заслуга Церкви для человѣчества неоцѣнима, еслибы она удовлетворяла даже только одной этой потребности человѣческаго духа,—молитвѣ.

Не вѣруя въ бытіе личнаго Бога и признавая Іисуса Христа только обыкновеннымъ человѣкомъ, Толстой не вѣруетъ и въ благодать Св. Духа; даруемую въ христіанскихъ таинствахъ, а потому онъ не приписываетъ никакого важнаго значенія и этимъ церковнымъ священнодѣйствіямъ. Такъ, сущность крещенія, по его мнѣнію, состоитъ только въ томъ, что священникъ три раза обмакнетъ ребенка въ воду, при чемъ прочитаетъ *никому непонятныя слова* и совершаетъ *еще меньше понятныя дѣйствія*—мазанія масломъ разныхъ частей тѣла, стрижки волосъ и дутья и плеванья воспріемниковъ на воображаемаго дьявола. Охотно допускаемъ, что для Толстого, какъ человѣка невѣрующаго, въ таинствѣ крещенія совершенно непонятны ни слова произносимыхъ молитвъ, ни совершаемыя дѣйствія. Неблагоразумно онъ поступаетъ только въ томъ от-

ношеніи, что берется судить о томъ, чего онъ самъ, по его собственному сознанію, не понимаетъ, и отвергаетъ это непонимаемое имъ только потому, что оно непонятно для него. Иное значеніе имѣетъ таинство крещенія для христіанина, вѣрующаго въ Бога и признающаго для себя обязательнымъ какъ ученіе, такъ и примѣръ Господа нашего Иисуса Христа. Для христіанина крещеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій, при троекратномъ погруженіи тѣла въ воду, съ призываніемъ Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, умираетъ для жизни плотской, грѣховной, и возрождается отъ Духа Святаго въ жизнь духовную, святую. Христіанинъ знаетъ, что это таинство установлено не людьми, даже не Церковію, а самимъ Иисусомъ Христомъ, что безъ него нельзя спастись и нельзя войти въ царствіе Божіе, какъ ясно училъ объ этомъ самъ Спаситель. „Если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3, 5). „Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ“ (Марк. 16, 16). „Идите, научите всея народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѣ. 28, 19). „Покайтесь, и да креститесь каждый изъ васъ во имя Иисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получите даръ Святаго Духа“ (Дѣян. 2, 38). Желаящіе могутъ находить наставленіе о таинствѣ крещенія и въ слѣдующихъ мѣстахъ новозавѣтныхъ писаній: Дѣян. 1, 5; 10, 47, 48; 2, 41; 8, 13, 16, 36, 38, 39; 9, 18; 11, 16; 16, 15, 33; 18, 8; 19, 3—5; Матѣ. 3, 11; Марк. 1, 8; Лук. 3, 17; Іоан. 1, 26; 1 Петр. 3, 21; Ефес. 4, 5; Рим. 6, 3, 4; 1 Кор. 12, 13; Галат. 3, 27; Колос. 2, 12.—Наконецъ, христіанину извѣстно, что Самъ Иисусъ Христосъ Своимъ примѣромъ освятилъ крещеніе, принявъ крещеніе отъ Іоанна. Для того, чтобы отвергнуть значеніе таинства крещенія или исказить сопровождающія его дѣйствія церкви, нужно отвергнуть все то, что сказано объ этомъ таинствѣ въ книгахъ Св. Писанія новаго завѣта; а это можетъ сдѣлать только учитель, подобный Толстому. Значеніе таинства покаянія Толстой полагаетъ лишь въ томъ, чтобы „пойти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе своихъ грѣховъ чужому человѣку совершенно очищаетъ отъ грѣховъ“. Какое легкомысленное сужденіе! Ка-

кимъ легкимъ дѣломъ здѣсь представляется покаяніе! Но оно представляется такимъ только Толстому. Въ дѣйствительности оно вовсе не таково и не такъ легко совершается христіаниномъ. Въ дѣйствительности покаяніе есть одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ подвиговъ христіанскихъ! Оно есть дѣло само-сужденія и самобичеванія! Въ немъ христіанинъ достигаетъ побѣды не только надъ міромъ, но и надъ самимъ собою. Оно, какъ второе крещеніе, есть нравственное возрожденіе и, потому, какъ и крещеніе, предполагаетъ не только собственное усиліе со стороны человѣка, но и непремѣнное дѣйствіе благодати Божіей. Послѣдняго, конечно, ни Толстой, ни толстовцы не захотятъ понять, потому что, не вѣруя въ Бога, они не могутъ вѣровать и въ получаемую отъ Бога благодать. Но они должны понять, по крайней мѣрѣ, естественное, психологическое значеніе таинства покаянія, которое, даже съ этой стороны, много содѣйствуетъ нравственному возрожденію человѣка. Гордость, источникъ всякаго зла и всѣхъ несчастій для человѣка, заставляетъ насъ обыкновенно скрывать свои недостатки, пороки, преступленія и грѣхи не только отъ другихъ людей, но даже и отъ себя; она побуждаетъ насъ не только предъ другими, но и предъ собою казаться лучшими, чѣмъ каковы мы на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ обижается, когда другіе назовутъ его воромъ, хотя бы онъ на самомъ дѣлѣ былъ воръ; человѣкъ обижается, когда другіе называютъ его развратнымъ, безчестнымъ, обидчикомъ, лгуномъ и т. п., хотя бы онъ и дѣйствительно былъ таковымъ. Чего же требуетъ отъ него священникъ въ таинствѣ покаянія?—Вотъ первыя слова его къ кающемся христіанину: „Се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое, не усрамися, ниже убойся, и да не скрыши что отъ мене: но не обинуяся рцы вся, елика содѣлалъ еси, да пріемши оставленіе отъ Господа нашего Исуса Христа. Се и икона Его предъ нами: азъ же точно свидѣтель есмь, да свидѣтельствую предъ Нимъ вся, елика речеши мнѣ. Аще ли что скрыши отъ мене, сугубъ грѣхъ имаша. Внемли убо: понеже бо пришелъ еси во врачбницу, да не исцѣленъ отъидеши“. И истинно кающійся грѣшникъ начинаетъ раскрывать *предъ чужимъ человекомъ* всю свою душу, всѣ свои грѣхи,

начинаетъ уже самъ называть себя тѣми словами, за которыя прежде оскорблялся на другихъ, начинаетъ самъ осуждать себя за свою дурную, не христіанскую жизнь, самъ бичуетъ себя, самъ „оплевываетъ“ себя, самъ распинаетъ свои страсти и похоти, самъ побѣждаетъ себя; ибо все прежнее, грѣховное и гадкое только теперь стало для него таковымъ: гадкимъ и отвратительнымъ. Только теперь онъ открывается предъ духовникомъ, кто онъ такой и на какія дурныя дѣйствія онъ способенъ. Вотъ что приблизительно онъ говоритъ: „До сихъ поръ, ты и другіе, меня считали добрымъ христіаниномъ: благочестивымъ, вѣрующимъ, добродѣтельнымъ, милосерднымъ, честнымъ, образцовымъ семьяниномъ. Но на самомъ дѣлѣ я вовсе не такой: я величайшій грѣшникъ, который не достоинъ даже называться и именемъ христіанина; я былъ почти невѣрующимъ и кощунствовалъ, я гордъ, тщеславенъ, высокомеренъ, властолюбивъ; я не только никому не помогаль, но я обкрадываль нищихъ, служу въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, я разбогатѣль чрезъ то, что отравилъ ядомъ своего благодѣтеля, я обидѣль многихъ сиротъ и бѣдняковъ и заставилъ ихъ цѣлый вѣкъ плакаться на меня, я развратникъ, для меня нѣтъ ничего святаго“... Какой внутренней борьбы, тяжелой и продолжительной, стоило человѣку такое чистосердечное раскаяніе! Но этого мало, осудивъ свою грѣховную жизнь, кающійся долженъ высказать предъ священникомъ твердое и рѣшительное намѣреніе оставить эту жизнь и начать новую, согласную съ волею Христа. Наконецъ, онъ долженъ высказать еще и свою живую, пламенную вѣру въ безграничное милосердіе Божіе... Въ душѣ истинно кающагося человѣка, уже нѣтъ мѣста ни для гордости, ни для самонадѣянности; у него есть только одно *смиреніе*, открывшее къ его сердцу путь царствію Божію чрезъ принесенное раскаяніе; ему даровано драгоценнѣйшее сокровище—вѣра въ любвеобильнаго Бога Отца, раскрывающаго объятія блудному сыну,—вѣра, не допустившая его до отчаянія и гибели и вселившая въ него надежду на безконечное милосердіе Божіе. Хотя онъ и величайшій грѣшникъ, но Христосъ умеръ и за его грѣхи; любовь Божія обильнѣе грѣховъ не только его, но и всего рода человеческого. Онъ вѣруетъ, что проститъ его Спаситель—другъ

мытарей и грѣшниковъ, любвеобильно прощавшій блудниковъ и блудницъ, молившійся за Своихъ распинателей и отверзшій разбойнику двери Царствія Небеснаго. И какъ благотворно для кающагося грѣшника въ этотъ моментъ услышать подтвержденіе своей вѣры въ милосердіе Божіе отъ непосредственнаго свидѣтеля своего раскаянія—его духовника, которому также, въ числѣ всѣхъ пастырей стада Христова, дана власть отпущать грѣхи кающимся: „что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“ (Матѳ. 16, 19; 18, 18; Іоан. 20, 23). Примиренный съ Богомъ и своею совѣстію, очищенный и возрожденный, христіанинъ оставляетъ своего духовника. И пусть не говорятъ, что духовникъ здѣсь излишенъ, какъ чужой человѣкъ, что можно каяться предъ Богомъ и въ глубинѣ своей души. Это говоритъ языкъ лжи и гордости, а не проповѣдникъ Христовой истины. Богъ какъ всевѣдующій, и безъ насъ знаетъ, какіе мы грѣшники; но здѣсь нѣтъ съ нашей стороны того подвига, какой требуется Православною Церковію отъ кающагося, нѣтъ благодатнаго разрѣшенія грѣховъ, а потому нѣтъ и плодовъ истиннаго покаянія. Ясно, что для человѣчества незамѣнимо значеніе Православной Церкви также и въ ея содѣйствіи нравственному возрожденію людей чрезъ таинство покаянія.

Сущность таинства причащенія Толстой кощунственно полагаетъ въ томъ, чтобы „сѣсть съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ“. Конечно, для человѣка невѣрующаго въ бытіе личнаго Бога, не признающаго Христа истиннымъ Сыномъ Божиимъ и Искупителемъ падшаго человѣчества, это величайшее христіанское таинство другого значенія и имѣть не можетъ. Но не такъ относится къ нему истинный христіанинъ. Для него причащеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій, подъ видомъ хлѣба и вина, вкушаетъ самаго Тѣла и Крови Христовой для вѣчной жизни. Сила этого таинства для него ясно выражена въ собственныхъ словахъ Христа: „Я есмь хлѣбъ жизни... Ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во-вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра... Истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть

въ себѣ жизни. Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питіе. Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ“ (Іоан. 6. 48. 51. 53—56). Христіанинъ знаетъ, что таинство причащенія установлено не людьми и не Церковію, а самимъ Іисусомъ Христомъ. на тайной вечери, когда Онъ „въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ и, возблагодаривъ, преломилъ и сказалъ: пріимитѣ, ядите, сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечери, и сказалъ: сіа чаша есть новый завѣтъ въ Моей Крови; сіе творите, когда только будете пить, въ Мое воспоминаніе“ (1 Кор. 11, 23—25; Матѣ. 26, 26—28; Марк. 14, 22—24; Лук. 22, 19—20). Христіанину извѣстно, что, по ученію ап. Павла, всѣ мы составляемъ единое тѣло Христова, единую церковь, потому что всѣ причащаемые отъ одного хлѣба (1 Кор. 10, 17). Кто „ѣстъ только съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ“, не разсуждая Тѣла Христова, тотъ не только не получаетъ дѣйствительно никакой пользы для себя, но,—напротивъ, еще впадаетъ въ тяжкій грѣхъ и осужденіе. Истинный христіанинъ сначала долженъ покончить съ своею прежнею грѣховною жизнію чрезъ таинство покаянія, чтобы затѣмъ въ таинствѣ причащенія воссоединиться со Христомъ и начать новую и святую жизнь. „Кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ Тѣла и Крови Господней. Да испытываетъ же себя человекъ, и такимъ образомъ пусть ѣстъ отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣстъ и пьетъ недостойно, тотъ ѣстъ и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о Тѣлѣ Господнемъ. Оттого многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираетъ“ (1 Кор. 11, 27—30). Послѣ сказаннаго ясно, на сколько Толстой въ своемъ сужденіи извратилъ христіанское ученіе (а слѣдовательно, и ученіе Православной церкви) о таинствѣ причащенія.

О значеніи поста, св. мощей, чудотворныхъ иконъ, молитвъ за умершихъ и нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ (напр. крестнаго знаменія, поклоновъ) мы говорить не будемъ; каждый

можетъ найти основательныя разсужденія объ этомъ въ любой брошюрѣ, раскрывающей ложь штундизма, въ любомъ учебникѣ по обличительному богословію; но мы въ особенности рекомендуемъ Догматическое Богословіе Еп. Сильвестра.

Итакъ, еслибы даже дѣятельность Православной Церкви ограничивалась, какъ того хочетъ Толстой, только молитвословіями и совершеніемъ таинствъ, то и тогда ея значеніе было бы весьма велико и благотворно для христіанскаго міра. Но дѣло въ томъ, что одною этою стороною дѣятельность Православной церкви вовсе не можетъ быть ограничиваемой. И по свидѣтельству безпристрастной исторіи, и по свидѣтельству ежедневнаго опыта, Православная Церковь оказываетъ свое благотворное вліяніе на всѣ стороны народной жизни. По свидѣтельству нашей отечественной исторіи, Православная Церковь принесла къ намъ начало духовнаго просвѣщенія и письменности; содѣйствовала открытію школъ, благотворно вліяла на государственное законодательство, учрежденіе благотворительныхъ заведеній—богадѣленъ, больницъ, приютовъ, энергично боролась противъ грубости нравовъ, разбоевъ, воровства, жестокаго обращенія, многоженства, установила новыя начала для семейной жизни; монастыри воспитывали доблестныхъ архипастырей, проповѣдниковъ, писателей, переводчиковъ, лѣтописцевъ; архипастыри примиряли враждовавшихъ удѣльныхъ князей, содѣйствовали объединенію русскаго государства, были мудрыми совѣтниками великаго князя, печаловались за неправильно осужденныхъ, въ тяжелое и смутное время грамотами и проповѣдями возбуждали патріотическое чувство соотечественниковъ. И въ настоящее время дѣятельность русскаго духовенства все болѣе и болѣе расширяется: кромѣ священнослуженія оно усердно трудится на поприщѣ церковнаго проповѣдничества, духовной литературы, учительства въ церковно-приходскихъ и иныхъ школахъ, общественной благотворительности, распространенія христіанства среди язычниковъ, миссіонерства среди сектантовъ и раскольниковъ. Многочисленныя братства и общества, основанныя православнымъ духовенствомъ, оказываютъ значительную помощь нуждающимся, спасаютъ населеніе отъ нищеты и порока пьянства; къ той же цѣли стре-

мятся и церковно-приходскія попечительства. Церковно-приходскія школы, содѣйствуя истинному просвѣщенію русскаго простого народа, быстро распространяются и все болѣе и болѣе начинаютъ приобрѣтать довѣріе къ себѣ. На помощь голодающимъ духовенство шло не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ и самъ Толстой. Участіе духовенства въ борьбѣ съ холерой только еще болѣе сблизило его съ народомъ и усилило его вліяніе. Бъ совѣтамъ священниковъ сельскіе прихожане нерѣдко прибѣгаютъ даже и въ житейскихъ своихъ дѣлахъ. Мы отмѣчаемъ эту дѣятельность православнаго духовенства не для восхваленія его, а единственно для того, чтобы показать читателю, на сколько Толстой былъ неправъ, умолчавъ о ней въ своемъ сужденіи о Православной Церкви.

Въ заключеніе, мы не можемъ не обратить вниманія читателей еще на одно странное обстоятельство. Какимъ образомъ Толстой не могъ замѣтить того, что онъ запутался въ противорѣчія, изъ которыхъ ему мудрено выбраться? Дѣятельность Православной Церкви, по его словамъ, пуста и ничтожна: она поддерживается только искусственными средствами и необъяснимымъ обманомъ людей, которые, „сдѣшившись кругомъ, обманываютъ другъ друга и не могутъ выйти изъ этого заколдованнаго круга“¹⁾. Но, спрашивается: какимъ же образомъ эта пустая и ничтожная дѣятельность Православной Церкви можетъ быть главнымъ, если не единственнымъ, препятствіемъ распространенію ученія Толстого, этого „истиннаго пониманія христіанства“, какъ называетъ его самъ Толстой? Если эта дѣятельность такъ ничтожна и пуста,—зачѣмъ же онъ такъ много тратитъ времени и такъ напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы подорвать къ ней довѣріе и унижить ее? Зачѣмъ онъ нерѣдко прямо клеветаетъ на нее?—Ясно, что дѣло находится не въ такомъ положеніи, какъ онъ представилъ его. Но Толстой, не замѣчая своихъ противорѣчій, продолжаетъ идти далѣе и наконецъ приходитъ даже къ той мысли, что дѣятельность Православной Церкви весьма обширна и могущественна. По словамъ его²⁾, Православная Церковь даже „покорила“

¹⁾ Ч. I, стр. 111.

²⁾ Ч. I, стр. 113.

себѣ правительство. „И потому участіе власти въ развращеніи народа въ Россіи самое сильное“. Правительство помогаетъ церкви совершить ея одуряющее и развращающее дѣйствіе въ Россіи“ ¹⁾ „У насъ въ Россіи (кромя всѣхъ другихъ) употребляется простое, грубое насиліе покорной церкви власти. Людей, отступающихъ отъ внѣшняго выраженія вѣры и высказывающихъ это, или прямо наказываютъ, или лишаютъ правъ; людей же, строго держащихся внѣшнихъ формъ вѣры, награждаютъ, даютъ права“ ²⁾. Итакъ, Толстой, этотъ врагъ и противникъ всякихъ наградъ и правъ, теперь толкуетъ о правахъ и наградахъ! Чѣмъ объяснить такое странное поведеніе?—Объясняется оно легко. Толстой прибѣгаетъ здѣсь къ помощи иезуитскаго приема—„раздѣлай и властвуй!“ Онъ думаетъ, что среди правительственныхъ лицъ еще и въ настоящее время есть такіе люди, которые станутъ играть въ пустой либерализмъ. И вотъ онъ хочетъ, такъ сказать, „задѣть ихъ самолюбіе“. Авось де повѣрятъ и, своими враждебными дѣйствіями по отношенію къ Православной Церкви, станутъ доказывать, что Толстой ошибся... Къ подобнымъ приемамъ, хотя и нѣсколько въ другомъ родѣ, Толстой прибѣгалъ уже и раньше. Десять лѣтъ тому назадъ онъ писалъ ³⁾ слѣдующее: „Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, *но только не на церкви...* Государственныя учрежденія прямо игнорируютъ церковь; мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна“...

Толстому однако же тогда не повѣрили; не повѣрятъ ему, конечно, и теперь. Но занятое имъ нынѣ положеніе во всякомъ случаѣ таково: врагъ правительства лицемѣрно объявляетъ себя его другомъ и указываетъ ему какъ на общаго врага—на церковь, для того, чтобы чрезъ ослабленіе ея дѣятельности парализовать и дѣятельность правительства...

Безграничная враждебность Толстого къ Православной Церкви, безъ сомнѣнія,—явленіе грустное и весьма прискорбное

¹⁾ Ч. I, стр. 112.

²⁾ Стр. 118.

³⁾ „Въ чемъ моя вѣра?“ женевское изданіе. Стр. 197.

для каждаго, истинно вѣрующаго христіанина. Но такіе враги Христовой Церкви всегда были и всегда будутъ. Объ этомъ ясно предсказывалъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Его св. Апостолы. „Многіе лжепророки возстануть, говоритъ Спаситель, и прельстятъ многихъ“ (Матѳ. 24, 11). „Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ, ибо многіе придуть подъ именемъ Моимъ, и будутъ говорить: это Я; и многіхъ прельстятъ“ (Марк. 13, 5—6). „Знаю, что, по отшествіи моемъ,—говорилъ ап. Павелъ ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. 20, 29, 30), войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ возстануть люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою“. „Умоляю васъ, братія, писалъ онъ римскимъ христіанамъ (Рим. 16, 17, 18),—остерегайтесь производящихъ раздѣленія и соблазны, вопреки ученію, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ; ибо такіе люди служатъ не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательствомъ и краснорѣчіемъ обольщаютъ сердца простодушныхъ“.—„Боюсь, писалъ онъ коринѳянамъ,—чтобы, какъ змѣй хитростью своею прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, уклонившись отъ простоты во Христѣ. Ибо если бы кто пришедъ началъ проповѣдывать другаго Иисуса, котораго мы проповѣдывали, то вы были бы очень снисходительны къ тому. Ибо таковыя лжеапостолы, лукавыя дѣлатели, принимаютъ видъ Апостоловъ Христовыхъ. И не удивительно: потому что самъ сатана принимаетъ видъ Ангела свѣта, а потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды; но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ“ (2 Кор. 11, 3. 4. 13—15). Галатамъ ап. Павелъ говоритъ: „Ревнуютъ по васъ нечисто, а хотятъ васъ отлучить, чтобы вы ревновали по нимъ. О, еслибы удалены были возмущающіе васъ!“ (Гал. 4, 17; 5, 12). Ефесянамъ: „Никто да не обольщаетъ васъ пустыми словами, ибо за это приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія; итакъ, не будьте сообщниками ихъ“ (Ефес. 5, 6, 7). Филипійцамъ: „Берегитесь псовъ, берегитесь злыхъ дѣлателей. Ибо многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ какъ враги креста Христова; ихъ конецъ—погибель, ихъ богъ—чрево, и слава ихъ

въ срамѣ: они мыслятъ о земномъ“ (Филип. 3, 2. 18. 19). Колоссянамъ: „Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстилъ васъ вкрадчивыми словами. Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ (Колос. 2, 4. 8). „Духъ ясно говорить,—пишетъ ап. Павелъ Тимоѳею,—что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей, запрещающихъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ. Ибо всякое твореніе Божіе хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается съ благодареніемъ, потому что освящается Словомъ Божіимъ и молитвою“ (1 Тим. 4, 1—5; Срав. 1, 5—7; 18—20; 6, 3—5; 2 Тим. 2, 16—18. 23; 3, 6—9. 13; 4, 3—4. 14—15; Тит. 1, 10, 11; 3, 10). „Дѣти!“—говоритъ Іоаннъ Богословъ: „какъ вы слышали, что придетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ... Они вышли отъ насъ, но не были наши; ибо еслибы они были наши, то остались бы съ нами; но они вышли, и чрезъ то открылось, что не всѣ наши. Кто лжець, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ? Это—антихристъ, отвергающій Отца и Сына. Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ (1 Іоан. 2, 18—19. 22; 4, 1; срв. 2 Іоанъ. 1, 7—11). „Какъ Содомъ и Гоморра и окрестные города подобно имъ блудодѣйствовавшіе и ходившіе за иною плотію, подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ,—говоритъ св. Апостоль Іуда,—такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плотъ, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти“ (Іуд. 1, 7—8).

IV.

Сужденіе Толстого объ отношеніи науки къ христіанству.

Сужденія Толстого о наукѣ, ученыхъ и ихъ отношеніи къ христіанству вообще смутны, неопредѣленны и невѣрны. Трудно даже сказать, кого собственно разумѣетъ Толстой подъ „людьми науки“, „научными людьми“,—ученыхъ ли специалистовъ по разнымъ наукамъ, людей ли научно и всесторонне образованныхъ, или философовъ. Иногда, говоря о „людяхъ науки“ и ихъ мнѣніяхъ, онъ прямо называетъ позитивистовъ, социалистовъ и коммунистовъ ¹⁾; иногда сонмъ ученыхъ людей всего міра и всѣхъ пережитыхъ міромъ вѣковъ онъ ограничиваетъ лишь именами Канта, Страуса, Спенсера и Ренана ²⁾. Но что этими именами не исчерпывается понятіе о людяхъ науки,—это ясно для каждаго; что усвоить себѣ поверхностное и не глубокомысленное ученіе позитивистовъ, социалистовъ или коммунистовъ еще не значитъ быть человѣкомъ науки,—этого, кажется, не надо и доказывать... Нѣтъ даже надобности утруждать себя чтеніемъ шеститомнаго сочиненія Огюста Конта—*„Курсъ позитивной философіи“*, сочиненій Гольбаха, Сень-Симона, Лассаля и т. п., чтобы быть позитивистомъ, социалистомъ, или коммунистомъ, потомъ утверждать, что „человѣкъ есть то, что онъ есть“ или что „собственность есть кража“ и чтобы наконецъ не имѣть совершенно никакого отношенія къ наукѣ вообще и даже отрицать ея значеніе. Для достиженія всего этого въ настоящее время достаточно только научиться читать по-русски и, не имѣя никакихъ твердыхъ и осмысленныхъ убѣжденій, прочесть послѣднее сочиненіе Толстого—*„Царство Божіе внутри васъ“*. Подтвержденіе сказаннаго легко видѣть среди крестьянъ, которые, будучи вовсе неграмотными, и только слушая чтеніе разныхъ Толстовскихъ книжекъ подпольнаго изданія, отлично усвояютъ его коммунистическія, социалистическія, атеистическія и анархическія разсужденія.

Далѣе нельзя не обратить вниманія на то, что въ разбираемомъ сочиненіи Толстой представляетъ себѣ ученыхъ въ

¹⁾ Ч. I, стр. 152 и др.

²⁾ Тамъ-же стр. 130.

видѣ какой-то опредѣленной, замкнутой касты, или группы людей съ совершенно одинаковыми взглядами, убѣжденіями, вѣрованіями, понятіями и ошибками. Такъ, напр., въ самомъ началѣ своего разсужденія объ отношеніи людей науки къ христіанству ¹⁾ онъ, не дѣлая никакого исключенія, категорически утверждаетъ слѣдующее: „Люди науки считаютъ христіанствомъ только то, что исповѣдывали и исповѣдуютъ различныя церкви, и, предполагая, что исповѣданія эти исчерпываютъ все значеніе христіанства, признаютъ его отжившимъ свое время религіознымъ ученіемъ“. Не споримъ, *есть* люди и-даже люди ученые, которые смотрятъ на христіанство именно такъ, какъ говорить Толстой. Но въ дѣйствительности нѣтъ такого единенія или согласія между людьми, учеными во взглядѣ на христіанство, какъ предполагается Толстымъ. Напротивъ люди науки высказываютъ такъ много самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на христіанство, что не малый бы трудъ принялъ на себя тотъ, кто захотѣлъ бы сгруппировать вмѣстѣ все эти взгляды. Если гдѣ, то именно здѣсь справедливо сказать: „сколько головъ—столько и умовъ“. Каждый ученый, если только онъ не принадлежитъ, по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ къ членамъ какой либо христіанской церкви, непременно имѣетъ свой собственный, *оригинальный* взглядъ на христіанство, оригинальность котораго и состоитъ только въ томъ, что онъ отличается отъ ученія о христіанствѣ, предлагаемаго тѣмъ или другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ. Штрауса Толстой признаетъ „человѣкомъ науки“; но Штраусъ, какъ извѣстно, понималъ христіанство вовсе не въ томъ смыслѣ, какой приписываютъ ему протестанты; Ренанъ имѣлъ совершенно иной взглядъ на христіанство, чѣмъ какой навязываетъ ему католичество и т. д.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и здѣсь, что Толстой съ чрезмѣрнымъ, безграничнымъ высокоуміемъ говоритъ даже и о „людяхъ науки“: эти „люди науки“, какъ онъ самъ называетъ ихъ, представляются у него до невозможными наивными, простыми, ничего не понимающими, высказывающими только одни ложныя мнѣнія и предположенія, не знающими самыхъ про-

¹⁾ Ч. I, стр. 122.

стухъ и элементарныхъ вещей. Во всемъ мірѣ (не въ одной только Россіи) нѣтъ ни одного ученаго, которому бы Толстой не находилъ нужнымъ разъяснить и сообщать самыя пустыя, ходячія и общеизвѣстныя тенденціи. Хотя американцы—менониты, гернгутеры, квакеры, Гаррисонъ, Даймондъ, Балу,—кажется, документально убѣдили Толстого въ томъ, что онъ ложно считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ, открывшимъ невѣдомыя міру истины; но урокъ этотъ имъ, повидимому, былъ скоро забытъ; въ сужденіи объ отношеніи ученыхъ людей къ христіанству онъ опять только одного себя во всемъ мірѣ представляетъ человѣкомъ непогрѣшимымъ, незаблуждающимся и единственнымъ хранителемъ истины, невѣдомой никому изъ людей науки. Въ виду этого онъ беретъ на себя не легкій трудъ—раскрыть предъ учеными всю ложь ихъ возрѣвій и научить ихъ истинѣ. Эту трудную задачу онъ разрѣшаетъ однакоже весьма легко на 30-ти страницахъ маленькаго формата и весьма крупнаго шрифта. Но разрѣшить эту задачу для него было безусловно необходимо, такъ какъ „ложныя“ возрѣвія, усвоенныя „людьми науки“, послѣ христіанской Церкви, являются, по его совершенно вѣрному заключенію, главнѣйшимъ препятствіемъ къ распространенію его собственнаго лжеученія или, какъ онъ самъ говоритъ ¹⁾, „мѣшающими истинному пониманію христіанства“.

Первое и основное „ложное мнѣніе научныхъ людей“, по словамъ Толстого ²⁾, состоитъ въ томъ „что ученіе о сверхъестественномъ составляетъ сущность христіанскаго ученія“. Въ противоположность этому „ложному мнѣнію научныхъ людей“, толстой старается доказать ту мысль, что христіанство, какъ религія, не заключаетъ въ себѣ никакого ученія о сверхъестественномъ, т. е., что оно ничего не знаетъ ни о Богѣ, ни объ отношеніи Его къ человѣку, ни о безсмертіи души человѣческой, ни о вѣчной загробной жизни. Какъ религія, христіанство, по его мнѣнію, даже не должно и не можетъ заключать въ себѣ никакихъ твердыхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ истинъ; его смыслъ и значеніе постоянно должны будтобы измѣняться

¹⁾ Ч. I, стр. 122.

²⁾ Ч. I, стр. 155.

съ каждымъ новымъ поколѣніемъ въ человѣческомъ родѣ. Христіанство, какъ религія, по ученію Толстого, есть только извѣстная форма пониманія жизни. „И какъ отдѣльный человѣкъ, вступая въ новый возрастъ, неизбѣжно измѣняетъ свое пониманіе жизни,—говорить онъ ¹⁾),—и взрослый человѣкъ видитъ смыслъ ея въ иномъ, чѣмъ ребенокъ, такъ точно и совокупность людей, народы, неизбѣжно соотвѣтственно возрасту своему измѣняютъ свое пониманіе жизни и вытекающую изъ этого пониманія дѣятельность“. Послѣ этого Толстому уже нетрудно было разъяснить „людямъ науки“, что такое, собственно, религія. „Установленіе этого свойственнаго человѣчеству въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя оно вступаетъ, жизнепониманія и вытекающей изъ него дѣятельности и есть,—говорить онъ ²⁾), то, что называется *религія*“. А въ чемъ состоитъ сущность религіи? „Сущность всякаго религіознаго ученія,—по словамъ Толстого ³⁾),—не въ желаніи символическаго выраженія силъ природы, не въ страхѣ передъ силами природы, не въ потребности къ чудесному и не во внѣшнихъ формахъ ея проявленія, какъ это думаютъ люди науки. Сущность религіи—въ свойствѣ людей пророчески предвидѣть и указывать тотъ путь жизни, по которому должно идти человѣчество: въ иномъ, чѣмъ прежде опредѣленіи смысла жизни, изъ котораго вытекаетъ и иная, чѣмъ прежняя, вся будущая дѣятельность человѣчества. Это свойство провидѣнія того пути, по которому должно идти человѣчество, въ большей или меньшей степени обще всѣмъ людямъ; но всегда, во всѣ времена были люди, въ которыхъ это свойство проявлялось съ особенной силой, и люди эти ясно и точно выражали то, что смутно чувствовали всѣ люди, и устанавливали новое пониманіе жизни, изъ котораго вытекала и иная, чѣмъ прежняя, дѣятельность на многія сотни и тысячи лѣтъ“. Изъ этого разсужденія ясно, что „люди науки“, по Толстому, должны понять, что Христосъ такъ-же не выдѣляется изъ ряда указателей новаго пониманія жизни, какъ и самъ Л. Н. Толстой.

1) Ч. I, стр. 123.

2) Ч. I, стр. 124.

3) Стр. 125.

Мы не будем касаться здѣсь внутренняго противорѣчія во взглядѣ Толстого на христіанство и второстепенныхъ странностей его разсужденій. Мы выдѣлимъ только ту основную мысль, какую высказалъ Толстой „людямъ науки“ и на нее главнымъ образомъ обратимъ свое вниманіе.

Христіанство, по Толстому, есть только извѣстная форма пониманія жизни; въ этомъ отношеніи оно, очевидно, не по существу, а только по степени и временнымъ условіямъ своего появленія въ мірѣ, отличается отъ всѣхъ другихъ религій—языческихъ, магометанской и іудейской. Но этого мало,—оно оказывается даже и не религіею. По понятію, усвоенному всѣми людьми, жившими до нашего времени, самымъ существеннымъ признакомъ религіи является ея указаніе на то или другое отношеніе Бога къ человѣку; но христіанство будтобы не содержитъ никакого ученія о сверхъестественномъ или сверхъчувственномъ. Оно есть только пониманіе жизни, т. е., есть знаніе естественное, вытекающее изъ естественнаго источника,—простая философія; потому что и философія, какъ свидѣтельствуешь ея исторія, всегда имѣла своимъ предметомъ уясненіе смысла жизни. Такимъ образомъ Толстой, очевидно, стремится къ тому, чтобы религію замѣнить философіею.

Неужели до сего времени „люди науки“ не слыхали ничего подобнаго? Неужели мысль о томъ, что христіанская религія только степенно отличается (будтобы) отъ другихъ религій, раньше Толстого никѣмъ не была высказываема и составляетъ для человѣчества совершенно новое *открытіе*? Неужели предъ „людьми науки“ Толстой первый заговорилъ о томъ, чтобы религію замѣнить философіею, простымъ знаніемъ, устранивъ изъ нея ученіе о сверхъестественномъ? Конечно, нѣтъ; все это было высказываемо многими мыслителями уже нѣсколько разъ; все это „учеными людьми“ было внимательно обсуждаемо и отвергнуто, какъ ложное и противорѣчащее основнымъ требованіямъ духа человѣческаго. Не споримъ, для Толстого, можетъ быть, и есть въ этихъ мысляхъ что-либо новое, такъ какъ философскими познаніями онъ не богатъ, и сталъ интересоваться философіею недавно; но истинные ученые могутъ только удивляться тому, что эти отвергнутыя предположенія онъ выта-

щиль изъ архива человѣческой мысли и выдаетъ теперь за нѣчто новое и никому неизвѣстное.

Эти предположенія были высказываемы еще древними философами ¹⁾; изъ мыслителей новѣйшаго времени ихъ повторилъ Гегель, смотрѣвшій на религію, какъ на высшую ступень откровенія человѣческаго духа, какъ на знаніе въ формѣ представленія (философія, по его мнѣнію, есть знаніе въ формѣ понятія). Мысль Гегеля раскрывалъ впоследствии Фейербахъ. Теперь эту же самую мысль только въ другой формѣ нашъ Толстой разъясняетъ „людямъ науки“, подъ которыми онъ, какъ мы видѣли, разумѣетъ главнымъ образомъ *позитивистовъ*, *соціалистовъ* и *материалистовъ*. Но Толстой выпустилъ изъ виду (намѣренно или ненамѣренно, — утверждать не будемъ), что больше всего *позитивисты* и *материалисты*, вслѣдъ за виновникомъ свего міровоззрѣнія—Огюстомъ Контомъ (*Cours de philosophie positive*, Paris, 1839—1842, 2 éd. 1864), а также повторяя мысли его ближайшихъ послѣдователей Литтре (*Littré*), Стюарта Милля (*John Stuart Mill*) и др.,—себѣ именно приписываютъ честь *открытія* той мысли, что на религію будтобы слѣдуетъ смотрѣть какъ на извѣстную степень пониманія жизни, какъ на „одинъ изъ способовъ философствовать“. Во всякомъ случаѣ, позитивисты и материалисты имѣютъ полное право по этому поводу предъявить къ Толстому такія же претензіи, какія предъявили уже къ нему американскіе квакеры относительно ученія о непротивленіи злу. Странно, впрочемъ, и само по себѣ, что Толстой рѣшился поучать позитивистовъ тому, что онъ самъ у нихъ именно позаимствовалъ.

Но можно ли религію замѣнить философіею? Можно ли изъ религіи устранить все сверхъестественное и оставить только естественное?—Толстой, какъ мы видимъ, старается доказать, сдѣлать это будтобы возможно; но что выходитъ и что выйдетъ еще изъ этой попытки его?.. Повидимому, содержаніе религіи и философія (въ лучшемъ смыслѣ) если и не одно и тоже, то въ важнѣйшихъ пунктахъ касаются однихъ и тѣхъ же предметовъ: философія, какъ и религія, не можетъ не касаться

¹⁾ Протагоромъ, Аристиплою, Тимомъ, Энезидемомъ Кносскимъ, Секстомъ и др.

первопричины всего существующаго—Бога, духовной природы человѣка, послѣдней цѣли бытія и мотивовъ нравственной дѣятельности человѣка. Но это сходство только формальное и внѣшнее. Въ дѣйствительности религія и философія суть области совершенно различныя и самостоятельныя. И какъ невѣрно мнѣніе нѣкоторыхъ мыслителей, что при богооткровенной религіи излишня и бесполезна философія, такъ ложно и противоположное ему мнѣніе, разбираемое нами, будтобы религиозное вѣдѣніе можно замѣнить философскимъ знаніемъ. Истинная философія не можетъ остановиться на полъ-пути, не можетъ удовлетвориться указаніемъ только конечныхъ или естественныхъ причинъ бытія, и потому не можетъ ограничиться поверхностнымъ, чисто атеистическимъ отрицаніемъ бытія Бога. Это было бы противно самымъ естественнымъ требованіямъ человѣческаго разума. Такихъ людей Давидъ совершенно справедливо называетъ *безумцами*, т. е. людьми не мыслящими по законамъ здраваго разума. Но всякое только *раціональное* познаніе Бога, не основывающееся на Божественномъ Откровеніи, (на откровеніи со стороны Бога *Самаго Себя* человѣку), вслѣдствіе естественной ограниченности человѣческаго разума, будетъ неудовлетворительно и ложно; философъ будетъ представлять себѣ Бога не такимъ, какъ Онъ есть, а такимъ какимъ Онъ можетъ быть только по соображеніямъ одного ограниченаго человѣческаго разума. Исторія философіи представляетъ много самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ сказаннаго нами; достаточно вспомнить о религиозно-философскихъ міросозерцаніяхъ древнихъ восточныхъ народовъ—гностиковъ, неоплатониковъ,—затѣмъ—Іакова Бѣма и мистиковъ вообще, а съ другой стороны о всѣхъ такъ называемыхъ пантеистическихъ системахъ, въ которыхъ на мѣсто живого личнаго Бога ставится какое либо мертвое, безжизненное, отвлеченное, ничего неопредѣляющее абсолютное начало: абсолютная субстанція, абсолютная идея, абсолютное Я или абсолютная воля.

Философія имѣетъ своимъ источникомъ ограниченный человѣческій разумъ, отъ котораго исключительно зависитъ ея характеръ, направленіе и степень достовѣрности, истинности возвѣщаемаго его ученія; но такъ какъ разумъ человѣческій

въ своемъ развитіи постоянно измѣняется, то вмѣстѣ съ нимъ измѣняется и философія. Исторія философіи представляетъ намъ длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ міровоззрѣній, изъ которыхъ одно заступало мѣсто другаго, опровергая его почти по всеѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ ученія. Натурализмъ или философія природы, іонійская философія, элеатская философія, философія Гераклита, Пифагора, Эмпедокла, Анаксагора, Протагора, Сократа, циниковъ, Эвклида, Платона, Аристотеля, стоицизмъ, эвдемонизмъ, скептицизмъ, эклектизмъ, неоплатонизмъ, номинализмъ, реализмъ, мистицизмъ, традиціонализмъ, деизмъ, пантеизмъ, дуализмъ, философія здраваго смысла, философія непосредственнаго чувства, матеріализмъ, идеализмъ, утилитаризмъ, социализмъ, коммунизмъ, нигилизмъ, сенсуализмъ, раціонализмъ, дарвинизмъ и т. д. и т. д. Сколько самыхъ разнообразныхъ системъ, ученій, міровоззрѣній! И все они непримиримо противорѣчатъ одно другому, опровергаютъ одно другое; каждое, претендуя на истину, все остальные объявляетъ ложными, неистинными. Каждое изъ этихъ философскихъ міровоззрѣній предлагаетъ своимъ послѣдователямъ усвоить только имъ указываемое „пониманіе жизни“, какъ единственно истинное, и не принимать отъ другихъ, такъ какъ другія философскія системы сами не имѣютъ *истиннаго* „пониманія жизни“. Какой же философской системѣ нужно отдать преимущество? Какая изъ нихъ дѣйствительно содержитъ въ себѣ непреложную истину?—Очевидно, что безусловной истины не содержитъ ни одна изъ философскихъ системъ; ни одна изъ нихъ не представила и окончательнаго рѣшенія тѣхъ высшихъ вопросовъ знанія и жизни, которыхъ не можетъ не затронуть ни одинъ мыслящій человекъ. Философскія системы, находясь только въ процессѣ непрерывнаго развитія, уже поэтому никогда не могли быть устойчивыми и неизмѣнными; онѣ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, только въ извѣстной степени приближаются къ безусловной истинѣ, оставляя по себѣ только частныя ея черты, но не достигаютъ ея вполнѣ. Такой судъ надъ философіею произнесенъ ея исторіею.

Религія имѣетъ своимъ непосредственнымъ и единственнымъ источникомъ Божественное Откровеніе. Поэтому ея истины

вѣчны и неизмѣнны, если почерпнуты изъ дѣйствительнаго Откровенія. Во всѣ вѣка онѣ оставались всегда однѣми и тѣми же, при постоянномъ измѣненіи философскихъ міровоззрѣній. Люди могли погрѣшати при усвоеніи этихъ истинъ; могли являться и дѣйствительно являлись различныя исповѣданія этихъ истинъ; но сами истины отъ этого ничего не теряли,— онѣ всегда оставались и остаются такими же, какими онѣ даны непосредственно въ Божественномъ Откровеніи. Самыя погрѣшности человѣческаго исповѣданія всегда возможно исправить: для этого слѣдуетъ только безпристрастно пробѣрнуть ихъ по истинамъ самаго Откровенія. Появленіе различныхъ вѣроисповѣданій, сектъ и даже ересей объясняется не тѣмъ, что Божественное Откровеніе утратило характеръ вѣчной и непреложной истины, а тѣмъ, что нѣкоторыя изъ его истинъ невѣрно восприняты нѣкоторыми людьми. Нѣтъ ни одной секты, которая бы не оправдывала своего ученія Божественнымъ Откровеніемъ. Но истину слѣдуетъ искать не въ сектахъ, а въ самомъ Божественномъ Откровеніи, согласіемъ съ которымъ опредѣляется и истинность религіознаго ученія вообще.

Философія, какъ достояніе только одного человѣческаго разума, представляетъ истины большею частію только теоретическія, отвлеченныя, доступныя далеко не всѣмъ, а только нѣкоторымъ людямъ, истины, которыя въ большинствѣ и ограничиваются только одною разсудочною дѣятельностію человѣка, содѣйствуя лишь развитію его ума; но оставаясь чуждыми въ отношеніи къ его жизни и дѣятельности.

Религія напротивъ объемлетъ всѣ стороны человѣческой жизни,—умственную, нравственную и практическую. Человѣка, который обладаетъ обширными богословскими познаніями, но живетъ не по волѣ Божіей, никто не назоветъ *религіознымъ*. Только религія вмѣстѣ съ возвѣщаемыми ею истинами можетъ сообщить человѣку живыя и дѣйствительныя убѣжденія, только ея истины содержатъ въ себѣ ту жизненную силу, которая даетъ направленіе всей жизни и дѣятельности человѣка. Въ древней Греціи философія процвѣтала, отвергая религію и вмѣсто нея, такъ сказать, замѣняя ее, хотѣла научить людей добродѣтели. Но ничего изъ этого не вышло: міръ погрязалъ

въ порокахъ и развратѣ. Достижшее ужасныхъ размѣровъ нравственное паденіе языческаго міра ясно доказывало, что даже самая лучшая философія бессильна нравственно возродить человѣчество. Разсудокъ человѣческой прекрасно знаетъ, гдѣ добро, а гдѣ зло, и даже умѣетъ восхвалять первое и порицать послѣднее; но у человѣка нѣтъ силы, вслѣдствіе испорченности его природы, осуществить свое знаніе въ жизни, и онъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, поступаетъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что говоритъ ему его разсудокъ, его философія. „Не понимаю, что дѣлаю,—говоритъ Ап. Павелъ (Рим. 7, 15. 18—19),—потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“. Для того, чтобы жить такъ нравственно, какъ говоритъ нашъ умъ, просвѣщенный даже знаніемъ истины, философіи, очевидно, недостаточно; для этого необходимо еще то, что даетъ религія,—благодать Божія, сила Божія. Еслибы мы даже и допустили,—чего допустить однако-же нельзя,—что для нѣкоторыхъ людей, именно для философовъ, философія можетъ замѣнить религію, что эти люди будтобы могутъ удовлетвориться религіею, чуждою всего сверхъестественнаго, чуждою даже ученія о бытіи Божіемъ: то что нужно сказать о всѣхъ тѣхъ людяхъ, для которыхъ чуждою останется навсегда сама философія? Неужели для нихъ ненужно пониманіе жизни? Неужели жизнь ихъ должна пріостановиться въ своемъ движеніи до тѣхъ поръ, пока они станутъ способными къ усвоенію философскихъ ученій всякаго рода? Но, какъ свидѣтельствуютъ и опытъ, и исторія, для самыхъ философовъ матеріалистическаго направленія философія не могла замѣнить религіи. *Локкъ* и его послѣдователи—матеріалисты: *D. Hartley* и *I. Priestley*,—не могли ограничиться одною философіею; они признавали религію такую же необходимою областію въ жизни человѣческой, какъ и философія. Вольтеръ, на котораго часто ссылается Толстой, никогда не допускалъ мысли о томъ, что философія можетъ когда либо замѣнить религію; напротивъ онъ приписывалъ религіи весьма важное значеніе въ жизни человѣчества; ему принадлежитъ исто-

рическая фраза: „если бы Бога не было, то Его нужно было бы выдумать“. Гербартъ—атомистъ; но философія не замѣнила ему религіи,—онъ вѣровалъ въ Бога и былъ человѣкомъ весьма религіознымъ.—Итакъ ясно, что „люди науки“ вовсе не ошибаются, признавая за религіею самостоятельное значеніе, потому что ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи философія не можетъ замѣнить собою религіи. Напротивъ Толстой, желая низвести религію только на степень простого „пониманія жизни“, т. е., на степень простого знанія, впадаетъ въ заблужденіе, уже давно осужденное исторіею философской мысли.

Далѣе Толстой находитъ необходимымъ уяснить „людямъ науки“, „которые не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей“, истинный смыслъ жизни человѣческой. Признавъ религію только „пониманіемъ жизни“, Толстой говоритъ ¹⁾: „Такихъ пониманій жизни мы знаемъ три: два уже пережитыхъ человѣчествомъ и третье, которое мы теперь переживаемъ въ христіанствѣ... Три жизнепониманія эти слѣдующія: первое—личное или животное, второе—общественное или языческое и третье—всемірное или божеское. По первому жизнепониманію жизнь человѣка заключается въ одной его личности; цѣль жизни—въ удовлетвореніи воли этой личности. По второму жизнепониманію жизнь человѣка заключается не въ одной его личности, а въ совокупности и послѣдовательности личностей: въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ; цѣль жизни заключается въ удовлетвореніи воли этой совокупности личностей. По третьему жизнепониманію жизнь человѣка заключается и не въ совокупности и послѣдовательности личностей, а—въ началѣ и источникѣ жизни—въ Богѣ. Эти три жизнепониманія служатъ *основой всѣхъ существовавшихъ и существующихъ религій*... Вся жизнь историческая человѣчества есть ничто иное, какъ постепенный переходъ отъ жизнепониманія личнаго, животнаго, къ жизнепониманію общественному, и отъ жизнепониманія общественнаго къ жизнепониманію божескому. Вся исторія древнихъ народовъ, продолжавшаяся тысячелѣтія и заканчивающаяся исторіею Рима, есть исторія замѣны животнаго, личнаго жизнепониманія

1) Ч. I, стр. 126.

общественнымъ и государственнымъ. Вся исторія со времени императорскаго Рима и появленія христіанства есть переживаемая нами и теперь исторія замѣны государственнаго жизнепониманія божескимъ. Вотъ это-то послѣднее жизнепониманіе и *основанное на немъ христіанское ученіе*, руководящее всей нашей жизнью и лежащее въ основѣ всей нашей дѣятельности, какъ практической такъ и научной, *люди мнимой науки*, разсматривая его только по его внѣшнимъ признакамъ, признають чѣмъ-то отжившимъ и не имѣющимъ для насъ значенія“.

Итакъ христіанство, которое Толстой называлъ сначала жизнепониманіемъ, теперь уже не есть жизнепониманіе; оно уже есть нѣчто отдѣльное отъ него; оно только *основано на немъ*, т. е., есть лишь практической выводъ изъ него, какъ и наша научная дѣятельность... Какая путаница понятій! Какая масса противорѣчій!

Толстой, конечно, еще самъ недостаточно уяснилъ себѣ ту мысль, которую онъ выдаетъ за неприложную истину и которую, въ качествѣ новаго открытія, онъ возвѣщаетъ теперь „людямъ науки“. Простыя слѣдствія онъ принялъ за причины, явленія, встрѣчающіяся въ человѣческой жизни,—за ея непреложный законъ. Вотъ почему онъ и утверждаетъ, что такъ называемое личное или животное „жизнепониманіе“ продолжалось и закончилось исторіей Рима,—какъ будто бы теперь его нѣтъ! *Съ появленія христіанства* господствуетъ общественное или языческое жизнепониманіе; какъ будто бы до появленія христіанства человѣкъ никогда не сознавалъ себя живымъ членомъ общества ни въ Греціи, ни въ Римѣ, ни въ іудействѣ, ни въ Египтѣ! Толстой не предложилъ себѣ вопроса: чѣмъ объясняется существованіе этихъ видовъ жизнепониманія? Откуда они вытекли и почему господствуетъ во всякое давнее время только одно изъ нихъ, не уничтожая остальныхъ? Если бы Толстой своевременно задалъ себѣ эти вопросы, рѣшеніе ихъ, быть можетъ, привело бы его къ уясненію того всеобщаго закона жизни, который сообщаетъ основной характеръ всѣмъ явленіямъ, которыя Толстой принялъ за самый законъ и на основаніи коихъ оная теорія ообщаго жизнепониманія“.

Основной законъ, обнимающій *всѣ* стороны человѣческой жизни, есть законъ взаимообобщенія или подчиненія частнаго общему. Частное, само по себѣ, безъ отношенія къ общему, существовать не можетъ; по природѣ ему свойственно влеченіе къ общему, съ которымъ оно и должно стать въ тѣ или другія отношенія. Отъ характера этихъ отношеній зависитъ и характеръ самой жизни и характеръ жизнепониманія. Самъ по себѣ внѣ всякаго отношенія къ общему человѣкъ никогда не могъ бы существовать. „Не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣстнаго ему“,—сказалъ Господь уже тотчасъ по сотвореніи человѣка (Быт. 2, 18). И безъ этого закона обобщенія, который можно выразить словами: „подчиняй частное общему!“,—стала бы невозможною жизнь человѣка во всѣхъ отношеніяхъ—умственномъ, нравственномъ, эстетическомъ и даже физическомъ! Содержаніе нашей умственной жизни составляютъ понятія; но что такое понятіе?—обобщеніе представленій; представленіе—обобщеніе впечатлѣній; впечатлѣніе—обобщеніе нервныхъ раздраженій; сужденіе—обобщеніе понятій; умозаключеніе—обобщеніе сужденій; разсужденіе или сочиненіе—обобщеніе умозаключеній. Познанія наши достигаются по двумъ методамъ: аналитическому и синтетическому—путемъ перехода отъ общаго къ частному или отъ частнаго къ общему. Сущность всѣхъ философскихъ системъ состоитъ именно въ стремленіи философовъ удовлетворить этой естественной потребности духа человѣческаго, этому закону его жизни—подчиненію общему частнаго; ибо что такое въ философскихъ системахъ всѣ эти абсолютныя субстанціи, идеи, *я* и т. п.?—Это тѣ общія начала, которымъ философы стремятся подчинить, и изъ которыхъ они думаютъ вывести и объяснить всѣ явленія міровой жизни. Въ литературныхъ произведеніяхъ читателю предлагаются или типы или идеалы, которые суть не что иное какъ обобщеніе въ цѣльныхъ образахъ отдѣльных или частныхъ характеровъ; музыкальное произведеніе, которое приводитъ въ восторгъ слушателей, есть гармоническое соединеніе, или обобщеніе отдѣльных звуковъ и мелодій; прекрасная картина, нарисованная художникомъ, есть обобщеніе отдѣльных образовъ, которые подмѣчены художникомъ въ жизни. Семья

есть обобщеніе отдѣльныхъ лицъ, общество-обобщеніе семействъ, племя-обобщеніе обществъ, народъ-обобщеніе племенъ, государство-обобщеніе всѣхъ племенъ и народовъ. Какъ высшій видъ обобщенія, государство, обнимающее всѣ семейства, общества, племена и народы, представляетъ цѣлую систему обобщеній: всѣ его органы судебныя, административныя, учебныя и друг., начиная отъ волостныхъ правленій до сената, отъ школы грамоты до академіи наукъ, стремятся удовлетворить той же потребности челоѳческаго духа,—обобщенію. Въ религіозной области церковь, отъ приходской общины до вселенскаго собора, въ основѣ своей внутренней и внѣшней жизни, дѣйствуетъ согласно этому же всеобщему закону. Подчиненіе частнаго общему есть зерно и нравственной жизни: воля частнаго лица здѣсь дѣйствуетъ только въ согласіи съ общимъ нравственнымъ закономъ. Эту мысль Господь выразилъ словами: „Если кто хочетъ идти за Мною (т. е., быть Моимъ *последователемъ*, ученикомъ), отвергнись себя (откажись отъ своей воли, своеволія), и возьми крестъ свой (испытанія, искушенія, всѣ бѣдствія и непріятели въ жизни) и слѣдуй за Мною“ (Матѣ. 16, 24; Марк. 8, 34; Лук. 23); „кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мною, тотъ недостоинъ Меня“ (Матѣ. 10, 38), „кто не несетъ креста своего, и не идетъ за Мною, не можетъ быть Моимъ ученикомъ“ (Лук. 14, 27).

Само собою понятно, что взаимоотношеніе между общимъ и частнымъ проявляется въ различныхъ видахъ: иногда частныя лица подчиняются общему добровольно, сознательно, занимая то именно мѣсто среди другихъ частныхъ лицъ, которое имъ дѣйствительно принадлежитъ; общее предпочитается частному во имя собственнаго блага частнаго, во имя блага всѣхъ другихъ лицъ или во имя Высочайшаго Существа, Отца всѣхъ частныхъ лицъ: это самая высшая форма, въ которой можетъ проявляться взаимоотношеніе между частными лицами и обществомъ такихъ лицъ. Объ установленіи такого взаимоотношенія Господь нашъ Іисусъ Христосъ молился Богу Отцу въ послѣднюю ночь предъ своими страданіями: „Отче святыи! соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, что-бы они были едино какъ и Мы. Да будутъ всѣ едино: какъ Ты,

Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино,—да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино; Я въ нихъ и Ты во Мнѣ; да будутъ совершены во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня“ (Іоан. 17, 11. 21—23). „Если двое изъ васъ, говорилъ Спаситель Своимъ ученикамъ (Матѣ. 18, 19—20), согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни просили, будетъ имъ отъ Отца Моего Небеснаго; ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ“.

Гдѣ нѣтъ такого взаимоотношенія между общимъ и частнымъ, основаннаго на добровольномъ, сознательномъ, нравственномъ убѣжденіи со стороны частныхъ лицъ въ необходимости подчиниться закону обобщенія, тамъ это подчиненіе совершается только послѣ упорной борьбы между частнымъ и общимъ и достигается при посредствѣ внѣшнихъ давленій: силы, власти, внѣшней дисциплины. Это—низшая степень въ развитіи жизни. На этой ступени находимъ всѣ языческія общества и государства. Въ христіанствѣ форма этой жизни не измѣняется; а измѣняется только внутренній характеръ ея, характеръ подчиненія частнаго общему. Христіанство требуетъ, чтобы подчиненіе частныхъ лицъ основывалось не на внѣшнихъ побужденіяхъ: силѣ, власти, страхѣ и внѣшней дисциплинѣ, а на сознаніи и собственномъ убѣжденіи частныхъ лицъ въ необходимости такого подчиненія. „Надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти“ (Рим. 13, 5). „Будьте покорны всякому начальству для Господа“ (1 Петр. 2, 13).

Неестественно, когда частное лицо преслѣдуетъ только свои собственные интересы и ставитъ ихъ выше общественныхъ, потому что оно идетъ противъ основнаго закона человѣческой жизни подчиненія частнаго общему. Это—эгоизмъ. Но неестественно, когда общее подчиняетъ себѣ частное почти до совершеннаго уничтоженія его; когда общество преслѣдуетъ только свои интересы и ничего не хочетъ знать объ интересахъ частныхъ лицъ. Но высокою христіанскою добродѣтелью украшается тотъ христіанинъ, который самъ, добровольно, по

одному чувству любви, отдаетъ благу общества не только свои собственные интересы, но даже и самую жизнь свою. „Нѣтъ больше той любви какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. 15, 13), говоритъ Сынъ Человѣческій, Самъ приходившій на землю для того именно, „чтобы отдать душу Свою для искупленія многихъ“ (Матѳ. 20, 28; Марк. 10, 45; Матѳ. 26, 28; Іоан. 11, 51). Апостоль Павелъ желалъ бы скорѣе самому быть отлученнымъ отъ Христа, чѣмъ видѣть отлученными своихъ братьевъ, родныхъ ему по плоти,—израильтянъ (Рим. 9, 3. 4).

Итакъ, ошибка Толстого состоитъ въ томъ, что *явленія*, какъ—„личное“ или „общественное“ „жизнепониманія“, въ основѣ которыхъ лежитъ законъ взаимоотношенія между частнымъ и общимъ, онъ принялъ за самый законъ жизни; а въ связи съ этимъ находится и другая его ошибка, которая состоитъ въ томъ, что каждый видъ жизнепониманія онъ относитъ только къ извѣстной эпохѣ; между тѣмъ какъ этотъ законъ, какъ непреложный законъ жизни въ каждый моментъ и въ каждую эпоху можетъ проявляться во всѣхъ трехъ видахъ своихъ (личномъ, общественномъ и божескомъ). Любить себя въ предѣлахъ нравственнаго закона совершенно естественно человѣку въ каждый данный моментъ и во всякую эпоху, ибо никто никогда не можетъ возненавидѣть своей плоти, но питаетъ и грѣшетъ ее, какъ и Господь Церковь (Ефес. 5, 29). Иисусъ Христосъ также не отвергъ для христіанина заботъ о личной жизни, а напротивъ Онъ повелѣлъ каждому изъ Своихъ послѣдователей даже и ближнихъ любить *такъ*, какъ каждый любить самаго себя (Мѳ. 22, 39); выше личныхъ интересовъ должны стоять интересы ближнихъ или общественные (Іоан. 5, 13; Рим. 9, 3—4) и христіанинъ долженъ предпочитать ихъ любви къ себѣ; что касается любви къ Богу, то заповѣдь о ней есть первая и наибольшая (Матѳ. 22, 38; Второз. 6, 5; Марк. 12, 26; Лук. 10, 27; Мих. 6, 8). Ученіе Православной Церкви по этому предмету прекрасно изложено въ Православномъ Катихизисѣ Митрополита (Филарета), который изучаютъ христіанскія дѣти въ русскихъ школахъ ¹⁾: „Любить себя (это, по Толстому, лич-

¹⁾ М. 1889, стр. 83.

ное жизнепониманіе“) должно только для Бога и частью для ближних: любить ближних („общественное жизнепониманіе“) должно для Бога; а любить Бога („божеское жизнепониманіе“) должно для Него Самого, и больше всего. Любовь къ себѣ должно приносить въ жертву любви къ ближнимъ; а любовь къ себѣ и къ ближнимъ должно приносить въ жертву любви къ Богу.“—Послѣ сказаннаго ясно, что личное, общественное и божеское жизнепониманіе (говоримъ словами Толстого) нельзя признать тремя историческими воззрѣніями, изъ которыхъ два первыхъ уже будтобы пережиты человѣчествомъ, а только тремя моментами проявленія во всякое время одного и того-же основного закона человѣческой жизни—подчиненія частнаго общему. Безъ любви къ себѣ нельзя любить ни Бога, ни ближнихъ: въ самомъ дѣлѣ не заботясь о себѣ или о своемъ здоровьи, потерявъ силы и даже самую жизнь свою,—какъ человѣкъ можетъ жить для Бога? Можно и должно интересы личные приносить въ жертву Богу въ извѣстное время при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно одни ставить ниже, или выше другихъ; но уничтожать ихъ совершенно нельзя, потому что въ противномъ случаѣ, не имѣя любви къ себѣ и не имѣя возможности пожертвовать ею для Бога, человѣкъ будетъ лишень самой возможности жить для Бога.

Далѣе Толстой осуждаетъ ученыхъ людей за то, что они признаютъ христіанское ученіе „отжившимъ и не имѣющимъ для насъ значенія“ ¹⁾. „Ученіе это,—говоритъ онъ ²⁾,—по мнѣнію *людей науки*, заключающееся *только* (?) въ его догматической сторонѣ,—въ ученіи о троицѣ, искупленіи, чудесахъ, церкви, таинствахъ и пр., есть только одна изъ огромнаго количества религій, которыя возникали въ человѣчествѣ, и теперь, сыгравъ свою роль въ исторіи, отживаетъ свое время, уничтожаясь передъ свѣтомъ науки и истиннаго просвѣщенія“. По словамъ Толстого ³⁾, ученые люди „обыкновенно говорятъ, что нравственное ученіе христіанства хорошо, но преувеличено,—что для того, чтобы оно было вполнѣ хорошо, надо откинуть отъ него излишнее, неподходящее къ нашему строю жизни“.

1) Ч. I, стр. 128.

2) Тамъ-же стр. 129.

3) Тамъ-же стр. 130.

Соглашаясь съ мнѣніемъ „людей науки“ относительно догматической стороны христіанскаго ученія, Толстой опровергаетъ ихъ мнѣніе о нравственномъ ученіи христіанства, разъясняя, „что совершенство, указываемое христіанамъ, безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто“¹⁾; что „Христось даетъ свое ученіе имѣя въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности“²⁾. Опровергая мнѣніе ученыхъ людей даѣе, Толстой подробно раскрываетъ ту мысль, что христіанство указываетъ людямъ не правила, не законы, а только идеаль человеческой жизни, и что „для ученія этого *нѣтъ и не можетъ быть обязательныхъ правилъ и законовъ*“; (тѣмъ не менѣе это не помѣшало Толстому снова отстаивать свое мнѣніе о пяти евангельскихъ заповѣдяхъ, исключая изъ числа ихъ заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ, и изъ каждаго идеала, найденнаго имъ въ нагорной проповѣди, выводить точныя и опредѣленныя правила).

Конечно, есть „люди науки“ (вѣрнѣе сказать: считающіе себя людьми науки), которые признають христіанское ученіе отжившимъ или, какъ выражается Толстой, „сыгравшимъ свою роль“; но не всѣ ученые люди такъ думаютъ. Есть многіе *истинно ученые* люди, которые за христіанскимъ ученіемъ признають вѣчное значеніе безусловной истины. Есть ученые, которые, признавая возвышенность нравственнаго ученія Христа, указываютъ на невозможность его полнаго осуществленія въ этой жизни; но то же самое утверждаетъ теперь и Толстой, думающій опровергать это же самое мнѣніе „людей науки“. Правда, десять лѣтъ тому назадъ онъ утверждалъ совершенно противное, говоря, что „Христось не могъ дать людямъ такого ученія, котораго нельзя было бы исполнить въ жизни“, десять лѣтъ тому назадъ онъ вѣровалъ, что исполненіе этого ученія возможно, легко и радостно“ и что „благо его (Толстого) возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять уче-

1) Стр. 139.

2) Тамъ-же.

ніе Христа“¹⁾. Но въ словахъ его такъ много непримиримыхъ противорѣчій, что неудобно даже сравнивать того, что онъ говорилъ десять лѣтъ назадъ, съ тѣмъ, что онъ говоритъ теперь. И противорѣчія эти такъ велики, что иногда даже кажется, что читаешь сочиненія двухъ различныхъ авторовъ, имѣющихъ одну и ту же фамилію....

Наконецъ, Толстой нападаетъ на „людей научных“²⁾ за то, что христіанское требованіе любви къ Богу и служенія Ему они хотятъ замѣнить любовью и служеніемъ людямъ, человѣчеству. Такими „учеными людьми“ онъ признаетъ здѣсь позитивистовъ, социалистовъ и коммунистовъ. Опровергая мнѣніе этихъ „людей науки“, Толстой доказываетъ ту мысль, что человѣчество есть только фикція и что поэтому его любить невозможно. „Человѣкъ, любящій для своей животной личности семью,—говоритъ Толстой³⁾,—знаетъ, кого онъ любитъ: Анну, Ларью, Ивана, Петра и т. д. Человѣкъ, любящій родъ и гордящійся имъ, знаетъ что онъ любитъ всѣхъ Гвельфовъ или всѣхъ Гибелиновъ; любящій государство знаетъ, что онъ любитъ Францію по берегъ Рейна и Пиренеи, и главный городъ ея Парижъ, и ея исторію и т. д. Но что любить человѣкъ любящій человѣчество?.... Человѣчество? Гдѣ предѣлъ человѣчества? Гдѣ оно кончается или начинается? Кончается ли человѣчество дикаремъ, идиотомъ, алькоголикомъ, сумасшедшимъ исключительно? Если мы проведемъ черту, отдѣляющую человѣчество, такъ, что исключимъ низшихъ представителей человѣческаго рода, то гдѣ мы проведемъ черту? Исключимъ ли мы негровъ, какъ ихъ исключаютъ Американцы, и Индійцевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые англичане, и Евреевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые? Если же мы захватимъ всѣхъ людей безъ исключенія, то почему же мы захватимъ однихъ только людей, а не *высшихъ животныхъ* (?!), изъ которыхъ *многіе* выше низшихъ представителей человѣческаго рода?“ Опровергнувъ такимъ образомъ мнѣніе позитивистовъ, коммунистовъ и социалистовъ, Толстой останавливается на той мысли,

1) Въ чемъ моя вѣра? Женевское изданіе. Стр. 215.

2) „Царство Божіе внутри васъ“ Ч. I, стр. 146.

3) Ч. I, стр. 150.

что христіанское ученіе о любви къ Богу единственно истинное и незамѣнимое.

Конечно, каждый скажетъ, что въ этомъ пунктѣ Толстой правъ и что съ нимъ нельзя не согласиться. Мы сами согласились бы съ нимъ, еслибы подь *любовью къ Богу* онъ дѣйствительно разумѣлъ то, что разумѣетъ подь этимъ христіанское ученіе. Но что значить, по Толстому, *любить Бога*? Разясняя, что разумѣетъ Толстой подь словомъ *Богъ*, мы выше уже приводили изъ его *Письма къ NN* его выраженіе, по которому *любить Бога* значить *любить истину*. Чтобы читатель самъ могъ видѣть, какъ понимаетъ Толстой христіанское ученіе о любви къ Богу, мы приведемъ здѣсь изъ вышеуказаннаго *письма* его все его разсужденіе объ этомъ предметѣ. „*Всѣ* говорятъ,— пишетъ Толстой ¹⁾),—что знаніе христіанства въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, какъ самаго себя. Но что такое Богъ? Что такое любить? Что такое любить что-то непонятное,—Бога? Что такое ближній? Что такое самъ я? Слова эти для меня имѣютъ такое значеніе: *любить Бога* значить *любить истину*, и любить ближняго, какъ самаго себя, значить признавать единство сущности своей души и жизни со всякой другой человѣческой душою и жизнью, съ вѣчною истиною, съ Богомъ. Такъ это для меня. Но мнѣ ясно, что эти ничего не опредѣляющія слова могутъ быть понимаемы иначе, и что большинство даже не можетъ понимать ихъ такъ, какъ я. Главное же въ томъ, что слова эти ни для меня, и ни для кого, ни къ чему не обязываютъ и ничего не опредѣляютъ. Какъ это—люби какого-то Бога, котораго каждый понимаетъ по своему, а другіе и вовсе не признаютъ, и люби ближняго какъ самаго себя, тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ? Мое мнѣніе то,—говоритъ Толстой въ заключеніе своего разсужденія,—что это положеніе метафизическое, очень важное, какъ такое, но когда это же положеніе понимается, какъ правило жизненное, какъ законъ, то оно просто глупо. А къ сожалѣнію,

¹⁾ У А. Гусева „Графъ Л. Н. Толстой. Его исповѣдь и мнимо-новая вѣра“ Ч. I. М. 1890. Стр. 131.

его очень часто такъ понимаютъ“. Это говорилъ Толстой шесть лѣтъ тому назадъ. Тогда любовь къ Богу, отождествленная съ любовью къ истинѣ, такъ какъ самое слово Богъ было для него пустымъ, ничего неопредѣляющимъ словомъ, онъ признавалъ въ приложеніи къ жизни—ученіемъ *просто мудрымъ*, никого ни къ чему не обязывающимъ и ничего не опредѣляющимъ. Теперь онъ, какъ мы видѣли, говоритъ иное; теперь ученіе о любви къ Богу онъ признаетъ единственно истиннымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ. Но что значитъ, по Толстому *теперешнему, любить Бога?*—„Христіанское ученіе,—говоритъ онъ ¹⁾, —возвращаетъ человѣка къ первоначальному сознанію себя, но только не себя—животнаго, а себя—Бога, искры Божьей, себя—сына божья, Бога такого же, какъ и Отецъ, но заключеннаго въ животную оболочку“. И такъ, подъ любовью къ Богу, по Толстому, нужно разумѣть любовь человѣка къ самому себѣ, но себѣ—не животному, а къ себѣ—Богу, такому же какъ Отецъ, но только заключенному въ животную оболочку. Любовь превращена въ безусловный эгоизмъ, —человѣкъ— въ Бога... Иначе и не можетъ, впрочемъ, говоритъ Толстой послѣ того, какъ онъ отрекся отъ вѣры въ бытіе личнаго живаго Бога, котораго возвѣщаетъ людямъ христіанское ученіе и усвоилъ себѣ пантеистическое міровоззрѣніе Шопенгауэра, по которому человѣкъ признается лишь проявленіемъ общаго мірового безличнаго начала, или Самимъ Богомъ заключеннымъ въ животную оболочку.

Толстой можетъ, конечно, говорить все, что ему угодно и какъ ему угодно; но онъ не имѣетъ права называть себя виновникомъ этого пантеистическаго міровоззрѣнія и утверждать, что ничего подобнаго „люди науки“ не слыхали раньше. Спиноза, Гегель, Фихте, Шеллингъ, Шопенгауэръ, и Гартманъ успѣли наскучить „людямъ науки“ своими пантеистическими, отвлеченными и безжизненными фантазіями. И „люди науки“ давно уже увидѣли всю ложь и неосновательность пантеистической философіи. А такъ какъ Толстой повторяетъ только то, что уже было давнымъ давно сказано пантеистическими фило-

¹⁾ Ч. I, стр. 154.

софами, то его *ученіе*, собственно говоря, осуждено уже „людьми учеными“ раньше своего появления на свѣтъ, какъ и всѣ другія ложныя философскія ученія—матеріализмъ, дуализмъ, позитивизмъ и т. п. Толстой можетъ, конечно, говорить все, что ему угодно и какъ ему угодно; но онъ не имѣетъ никакого права свое ученіе о любви къ Богу выдавать за ученіе христіанское. У него любовь есть только отвлеченное безсодержательное, безпричинное понятіе; ибо если по его ученію нельзя любить человѣчество, то тѣмъ болѣе нельзя любить идею человѣка, что, очевидно, онъ разумѣетъ подъ своимъ „богомъ въ чувственной оболочкѣ“. По христіанскому ученію любовь есть начало живое, разумное, питательное и имѣющее для себя достаточное основаніе и съ необходимостію вытекающее изъ своего первоначальнаго источника. Самъ „Богъ есть любовь“ (1 Иоан. 4, 8); Онъ же есть и единственный истинный источникъ любви,—„потому что любовь отъ Бога“ (ст. 7). По ученію христіанскому Богъ есть Высочайшее Существо совершенно отдѣльное отъ человѣка, который только созданъ по Его образу. Онъ же есть и причина любви. Человѣкъ любитъ Бога только уже взаимною любовію; ея мотивъ заключается въ томъ чувствѣ благодарности, которое питаетъ человѣкъ къ Богу за полученныя отъ Него неисчислимыя благодѣянія. „Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любви, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ умилоствленіе за грѣхи наши“ (Иоан. 4, 9. 10). Такъ учитъ Ап. Іоаннъ; такое же ученіе о любви преподается и въ посланіяхъ Ап. Павла: „Любовь Божія излилась съ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ. Ибо Христосъ, когда еще мы были немощны, въ опредѣленное время умеръ за нечестивыхъ. Богъ Свою любовь къ намъ доказываетъ тѣмъ, что Христосъ умеръ за насъ, когда мы были еще грѣшниками“ (Рим. 5, 5. 6. 8). Это ученіе, предложенное апостолами, вполне согласно со словами Самаго Господа нашего Іисуса Христа: „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Иоан. 3, 16).

По христіанскому ученію, Богъ какъ Творецъ, Промыслитель и Искупитель падшаго человѣчества, „богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбилъ насъ, и насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ со Христомъ“ (Ефес. 2, 4. 5), сдѣлалъ и дѣлаетъ для человѣка благодѣяній безконечно болѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ людей. Вслѣдствіе этого и человѣкъ нравственно обязанъ любить Бога больше всего, больше родного отца, матери и дѣтей; въ противномъ случаѣ онъ явился бы неблагодарнымъ и недостойнымъ Бога: „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Матѣ. 10, 37). Вытекая изъ совершеннаго и неизсякаемаго Источника (т. е. отъ Самаго Бога), возбуждаемая сознаниемъ неизреченныхъ и непредѣльныхъ благодѣяній Божіихъ, направленныхъ къ вѣчному спасенію и блаженству падшаго человѣка, любовь къ Богу у христіанина также должна быть непредѣльна и совершенна. Вотъ какъ изображаетъ св. Апостоль Павелъ силу христіанской любви: „Кто отлучить насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодь, или нагота, или опасность, или мечь? какъ написано: за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе (Псал. 43, 23). Но все сіе преодолѣваемъ силою Возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ“ (Рим. 8, 35—39). Апостоль любви св. Іоаннъ Богословъ такъ изображаетъ свойство христіанской любви къ Богу: „Мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ, что мы имѣемъ дерзновеніе въ день суда, потому что поступаемъ въ мірѣ семь, какъ Онъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся несовершенъ въ любви. Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“. (1 Іоан. 4, 16—19). По

ученію христіанскому, любовь къ Богу должна проявляться какъ въ прославленіи совершенствъ Божіихъ, такъ и въ исполненіи воли Божіей. „Если заповѣди Мои соблюдете, говорилъ Спаситель Своимъ ученикамъ въ прощальной бесѣдѣ,—пребудете въ любви Моей“ (Іоан. 15, 10). „Если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди“ (Іоан. 14, 15). „Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Я возлюблю его, и являюся ему Самъ“ (Іоан. 14, 21). „Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое“ (Іоан. 14, 23). „Не любящій Меня не соблюдаетъ словъ Моихъ“ (Іоан. 14, 24). Вполнѣ согласно съ этимъ учили и Апостолы. „Это есть любовь къ Богу, говоритъ, напр., Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 5, 3),—чтобы мы соблюдали заповѣди Его“. Самое Богопознаніе наше, по ученію христіанскому, находится въ связи и зависимости отъ нашей любви къ Богу. „Всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога; кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“ (1 Іоан. 4, 7. 8) ¹⁾. Изъ этихъ словъ ясно, что только истинный христіанинъ, рожденный не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога, вѣрующій во имя Христа (Іоан. 1, 12. 13), исполняющій заповѣди Его, можетъ познавать Бога, Котораго не видѣлъ никто никогда (Іоан. 1, 18). Всѣ же другіе изслѣдователи Божественнаго Откровенія,—всѣ Штраусы, Ренаны, Толстые и т. п., не имѣющіе любви къ Богу и не исполняющіе Его заповѣдей, хотя бы всю жизнь свою посвящали на изученіе Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, никогда не достигнутъ до познанія истиннаго Бога... Современные Христу книжники и фарисеи іудейскіе собственными очами видѣли совершенныя Имъ чудеса, собственными ушами слышали преподанное Имъ ученіе, но они не имѣли любви къ Богу, сердце ихъ огрубѣло,—и они не познали истиннаго Бога, не уразумѣли Его сердцемъ и не обратились, чтобы Онъ исцѣлилъ ихъ (Матѣ. 13, 15; Марк. 4, 12; Лук. 8, 10). „Ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы“ (1 Кор. 2, 8). Наконецъ, по христіанскому ученію, отъ любви къ Богу непо-

¹⁾ Срв. 1 Іоан. 2, 3. 4. 5. 6.

средственно зависить и любовь къ ближнему. „Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга... Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ... Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавижу, тотъ лжець“ (1 Иоан. 4, 11. 12. 20). Желаящимъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ, какъ истинное христіанство учить о любви къ Богу и ближнимъ, рекомендуемъ со вниманіемъ прочитать еще слѣдующія мѣста новозавѣтныхъ писаній: Матѳ. 5, 43—48; Марк. 12, 29—31; 33; Лук. 6, 34; 10, 27; Иоан. 3, 16; 1 Петр. 1, 8; 22; 2, 17; 3, 10; 4, 8; 5, 14; 2 Петр. 1, 7; 1 Иоан. 2; 5. 10. 15; 3, 1. 15—17. 18. 23; 4, 7—12. 16—21; 5, 1—3; 2 Иоан. 1, 1. 3. 5. 6; Рим. 5, 5. 8; 8, 35—39; 12, 9; 13, 8—10; 14, 15; 15, 30; 1 Кор. 8, 1; 13, 1—4. 7. 8. 13; 14, 1; 16, 14. 22; 2 Кор. 2, 4; 5, 14; 6, 6; 8, 7. 8; 24; 9, 7; 13, 11. 13; Галат. 5, 6. 13—14. 22; Ефес. 1, 4. 15; 2, 4; 3, 17. 19; 4, 2. 15. 16; 5, 2. 25. 28. 33; 6, 23; Филип. 1, 9. 17; 2, 1. 2; Колос. 1, 4. 8. 13; 2, 2; 3, 14; 1 Сол. 1, 3; 3, 6. 12; 4, 9; 5, 8; 2 Сол. 1, 3; 2, 10; 3, 5; 1 Тим. 1, 5. 14; 2, 15; 4, 12; 6, 11; 2 Тим. 1, 7; 2, 22; 3, 10; Евр. 6, 10; 10, 24 и др.

Сравнивая это истинно—христіанское ученіе о любви, которое нами изложено непосредственно собственными словами Христа и Его апостоловъ, съ тѣмъ, которое излагаетъ Толстой въ разбираемой книгѣ и которое онъ хочетъ выдать за ученіе христіанское, мы должны придти къ заключенію, что между ними нѣтъ ничего общаго. Христіанская любовь имѣетъ свой безпредѣльный источникъ въ Богѣ; Толстовская—только въ человѣкѣ; христіанская любовь имѣетъ разумное и осмысленное побужденіе для себя въ безпредѣльномъ чувствѣ благодарности за полученныя отъ Бога неизреченныя благодѣянія; толстовская—не имѣетъ для себя совершенно никакого побужденія, кромѣ грубо—эгоистическихъ цѣлей. Предметомъ христіанской любви дѣйствительно является Богъ, Существо Высочайшее и отдѣльное отъ человѣка, имѣющее свое собственное отдѣльное, реальное, личное и ни отъ кого независимое бытіе; предметомъ толстовской любви можетъ быть никто другой, какъ человѣкъ, любящій только самаго себя, свою идею. У христіанина любовь

имѣть всѣ истинныя свойства и признаки любви; у Толстого же любви, собственно говоря, нѣтъ вовсе; у него она обращена въ самый грубый и всепоглощающій эгоизмъ.

Такое искаженіе христіанскаго ученія о любви къ Богу для Толстого—повторяемъ—было неизбежно, когда онъ потерялъ вѣру въ живаго Бога, въ Его личное и отдѣльное бытіе. Это—участъ каждаго пантеистическаго философа. Если Бога нѣтъ, то Его мѣсто долженъ занять человѣкъ съ усвоеніемъ ему всего того, что должно принадлежать только единому Богу; поэтому и любовь къ Богу у пантеистовъ непремѣнно переносится на человѣка. Напрасно только трудился Толстой, опровергая позитивистовъ, замѣняющихъ христіанское ученіе о любви къ Богу ученіемъ о любви къ человѣчеству. Онъ не разошелся съ ними, хотя, повидимому, и хотѣлъ бы это сдѣлать. Отказавшись отъ вѣры въ бытіе личнаго Бога, и онъ поставилъ на Его мѣсто лишь самаго себя, человѣка. Какъ мы видѣли, по его собственнымъ словамъ ¹⁾, человѣкъ есть не что иное, какъ самъ Богъ, такой же точно Богъ, какъ и Отецъ, но только заключенный въ животную оболочку. Этого-то бога Толстой лишь и знаетъ, его онъ только и любитъ, ему онъ только и поклоняется и служить...

Говоря о римскихъ идолопоклонникахъ, олицетворившихъ въ своихъ богахъ себя самихъ или идею человѣчества, заключенную въ чувственную оболочку, и поклонявшихся, очевидно, только себѣ или идеѣ человѣчества, св. Апостоль Павелъ говорилъ: „они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетилось въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку... Они замѣнили истину Божію ложью... И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предали ихъ Богъ превратному уму“ (Рим. 1, 21.—23. 25. 28).

Толстой и толстовцы, какъ можно было видѣть изъ сказаннаго, недалеко ушли отъ древне-языческихъ идолопоклонниковъ, „преданныхъ превратному уму“...

¹⁾ Ч. I. Стр. 154.

Соціально-нигилистическія и анархическія чаянія Толстого.

Идеаль новаго переустройства (вѣрнѣе сказать разстройства) внѣшней жизни людей, который вотъ уже болѣе десяти лѣтъ Толстой навязываетъ русскому обществу, въ своихъ существенныхъ чертахъ, конечно, уже извѣстенъ нашимъ читателямъ. О немъ Толстой постоянно твердитъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ послѣдняго девятилѣтія—какъ цензурныхъ, такъ и подпольныхъ, изъ которыхъ послѣднія, безъ сомнѣнія, пользуются среди русскаго общества гораздо болѣею популярностію, чѣмъ первыя. Въ разбираемомъ нами сочиненіи—„Царство Божіе внутри васъ“—собственно говоря, не прибавлено ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что было высказано Толстымъ въ его прежнихъ, даже цензурныхъ сочиненіяхъ, въ особенности въ его сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ. Здѣсь онъ говоритъ о своемъ любимомъ предметѣ только съ болѣею откровенностію и наивноностію, съ болѣею подробностію и съ постоянными ссылками на свои авторитеты, которыми являются для него социалистическіе писатели западной Европы. Мы охотно бы оставили безъ вниманія и не рѣшились бы подвергать критическому разбору всѣ безразсудныя и сумасбродныя социально-нигилистическія, коммунистическія и анархическія чаянія Толстого, которымъ въ разбираемомъ сочиненіи онъ посвятилъ двѣ трети своего труда, тѣмъ болѣе, что всѣ эти разсужденія, какъ противорѣчающія требованіямъ здраваго разума, и преслѣдующія явно преступныя цѣли, скорѣе должны подлежать вѣдѣнію жандармскаго управленія, чѣмъ литературной критикѣ. Но дѣло въ томъ, что весь центръ тяжести, весь интересъ разбираемаго нами сочиненія находится не въ религиозныхъ, а въ социально-нигилистическихъ сужденіяхъ Толстого. Первыя у него имѣютъ значеніе лишь подготовленія читателей къ послѣднимъ съ особеннымъ способомъ запутыванія ихъ сужденій и извращенія ихъ христіанскихъ понятій. Каждый прочитавшій со вниманіемъ послѣднее сочиненіе Толстого, безъ сомнѣнія, придетъ къ убѣжденію, что если бы онъ не поставилъ своею главною цѣлію—

совершенное разрушеніе существующаго устройства общественной и государственной жизни, то онъ не видѣлъ бы ничего противнаго христіанскому ученію ни въ присягѣ, ни въ военной службѣ, ни въ судѣ, ни въ государственныхъ податяхъ, ни въ повиновеніи властямъ. Кромѣ того, необходимо критически провѣрить соціально-нигилистическія разсужденія Толстого еще и потому, что нашлись люди, которые рѣшились при помощи періодической печати пропагандировать его разрушительныя идеи...

Необходимость разрушенія существующаго нынѣ устройства общественной и государственной жизни, по мнѣнію Толстого, вытекаетъ изъ тѣхъ недостатковъ, которые усматриваются въ этомъ устройствѣ жизни; а недостатки эти происходятъ отъ противорѣчій нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаниемъ. Послѣ этого казалось бы, что, по требованію здоровой логики, нужно разсуждать такимъ образомъ: стремись къ уничтоженію противорѣчій между христіанскимъ сознаниемъ и жизнью; тогда уничтожатся и всѣ недостатки какъ въ общественной, такъ и въ государственной жизни, а вмѣстѣ съ ними уничтожится уже и *самая необходимость* разрушенія существующаго устройства общественной и государственной жизни. Но по логикѣ Толстого выходитъ не то. Онъ требуетъ разрушенія государства, предполагая, что вмѣстѣ съ этимъ уничтожатся всѣ недостатки нашей общественной и государственной жизни, а также и всѣ противорѣчія нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаниемъ. Толстой въ этомъ отношеніи похожъ на врага, который рѣшился бы уничтожить болѣзненные наросты на тѣлѣ людей не вырѣзываніемъ ихъ, а умерщвленіемъ самыхъ людей. Подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ взглядѣ Толстого еще въ свое время; а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ противорѣчій, которыя Толстой указываетъ между нашею жизнью и нашимъ христіанскимъ сознаниемъ, и которыя привели его къ убѣжденію въ необходимости разрушенія существующаго устройства нашей общественной и государственной жизни.

Какія же это противорѣчія и въ чемъ они выражаются? Вопросъ этотъ—самая любимая тема для разсужденій Толстого.

Въ этомъ случаѣ онъ не жалѣетъ самыхъ мрачныхъ красокъ и прилагаетъ все свое стараніе и свои поэтическія дарованія къ тому, чтобы дать отвѣтъ, который могъ бы произвести на читателя самое сильное впечатлѣніе. „Стоитъ только сличить практикѣ жизни съ ея теоріей,—говоритъ онъ ¹⁾, чтобы ужаснуться передъ тѣмъ вопіющимъ противорѣчіемъ условій жизни и нашего сознанія, въ которомъ мы живемъ. Вся жизнь наша есть сплошное противорѣчіе всему тому, что мы знаемъ и что мы считаемъ нужнымъ и должнымъ. Противорѣчіе это — во всемъ: и въ экономической, и государственной, и международной жизни. Мы, какъ будто забывъ то, что знаемъ, и на время отложивъ то, во что мы вѣримъ (не можемъ не вѣрить, потому что это наши единственныя основы жизни), дѣлаемъ все навыворотъ того, чего требуетъ отъ насъ наша совѣсть и нашъ здоровый смыслъ... Всякій человѣкъ нашего времени знаетъ, что люди всѣ имѣютъ одинаковыя права на жизнь и блага міра, что одни люди не лучше и не хуже другихъ, что всѣ люди равны. Всякій знаетъ это несомнѣнно твердо всѣмъ существомъ своимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только видитъ вокругъ себя дѣленіе всѣхъ людей на двѣ касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся и страдающую, а другую — праздную, угнетающую, роскошествующую и веселящуюся,—не только видитъ, но волей неволей съ той или другой стороны принимаетъ участіе въ этомъ отвергаемомъ его сознаніемъ раздѣленіи людей, и не можетъ не страдать отъ сознанія такого противорѣчія и участія въ немъ“ ²⁾.

Въ частности, по словамъ Толстого ³⁾, отъ сознанія этихъ противорѣчій страдаетъ „рабочій нашего времени“. „По всѣмъ даннымъ и по всему, что я знаю, что исповѣдуютъ всѣ“, такъ (будтобы) говоритъ рабочій человѣкъ ⁴⁾, „я бы долженъ быть свободенъ, равенъ всѣмъ другимъ людямъ, любимъ; а я—рабъ (?), я униженъ (?) и ненавидимъ“ (?). „И онъ самъ, по словамъ Толстого ⁵⁾, ненавидитъ и ищетъ средствъ спастись отъ своего

¹⁾ Ч. 1. стр. 163.

²⁾ Ч. стр. 166.

³⁾ Тамъ-же стр. 167.

⁴⁾ Стр. 168.

⁵⁾ Тамъ-же.

положенія, свергнуть съ себя наваливагося на него врага и самому съѣсть на него“. „Еще въ большемъ противорѣчїи и *страданїи* живетъ человѣкъ такъ называемаго образованнаго класса“¹⁾, выше причисленный къ кастѣ „праздной, угнетающей, раскошествовающей и *веселящейся*. Вся жизнь нашихъ высшихъ классовъ есть сплошное противорѣчїе, тѣмъ болѣе мучительное, чѣмъ чутче нравственное сознаніе человѣка“. Противорѣчїе это Толстой рисуеть²⁾ въ такомъ видѣ: „Мы всѣ братья, а между тѣмъ каждое утро братъ или сестра выносятъ мой горшокъ. Мы всѣ братья, а мнѣ утромъ необходима сигара, сахаръ, зеркало и т. п. предметы, на работѣ которыхъ теряли и теряютъ здоровье мои, равные мнѣ братья и сестры, а я пользуюсь этими предметами и даже требую ихъ. Мы всѣ братья, а я живу тѣмъ, что работаю въ банкѣ, или въ торговомъ домѣ и лавкѣ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать всѣ нужные моимъ братьямъ товары дороже. Мы всѣ братья, а и живу тѣмъ, что получаю жалованье за то, чтобы уличать, судить и казнить вора или проститутку, существованіе которыхъ обусловлено всѣмъ складомъ моей жизни, и которыхъ я самъ знаю, что надо не казнить, а исправлять. Мы всѣ братья, но я живу тѣмъ, что получаю жалованье за собраніе податей съ бѣдныхъ рабочихъ для употребленія ихъ на раскошь празднымъ и богатымъ. Мы всѣ братья, а я получаю жалованье за то, чтобы проповѣдывать людямъ мнимо христіанскую вѣру, въ которую я самъ не вѣрю, лишаящую ихъ возможности узнать истинную. Я получаю жалованье, какъ священникъ, епископъ за то, что обманываю людей въ самомъ важномъ для нихъ дѣлѣ. Мы всѣ братья, но я отдаю бѣднымъ свои педагогическіе, врачебные, литературные труды только за деньги. Мы всѣ братья, а я получаю жалованье за то, что готовлюсь къ убійству, учусь убивать, или дѣлаю оружіе, порохъ, крѣпости“... Правящіе классы по отношенію рабочихъ,—говорить Толстой³⁾,—находятся въ положеніи подмявшаго подъ себя противника и держащаго, не выпуская его, не столько потому, что онъ не хочетъ выпустить его, сколько потому, что

1) Стр. 169.

2) Ч. 1. стр. 170.

3) Ч. 1. стр. 172.

стоитъ ему выпустить на мгновеніе подмятаго, чтобы самому быть сейчасъ же зарѣзаннымъ, потому что подмятый озлобленъ, и въ рукѣ его ножъ. И потому, будутъ ли они чутки или не чутки, наши богатые классы (которыхъ, какъ мы видѣли уже, Толстой относитъ къ кастѣ „веселящейся“) не могутъ наслаждаться тѣми благами, которыя они похитили (?) у бѣдныхъ... Вся жизнь и всѣ наслажденія ихъ отравлены укорами совѣсти или страхомъ“. „Таково, — заключаетъ Толстой ¹⁾, противорѣчіе экономическое.

Хотя многія изъ указанныхъ здѣсь явленій общественной жизни вовсе не имѣютъ экономического характера и представлены Толстымъ крайне тенденціозно и преувеличенно; тѣмъ не менѣе существованія противорѣчій въ человѣческой жизни, конечно, отрицать нельзя, и они обнимаютъ собою даже болѣе широкую область, чѣмъ какую умѣетъ указать Толстой. Онъ находитъ ихъ лишь въ экономической, государственной и международной жизни; но онъ оставилъ безъ вниманія самый корень всѣхъ этихъ противорѣчій — личную, внутреннюю душевную, нравственную жизнь человѣка. Конечно, это сдѣлано намѣренно, а вовсе не по легкомыслію или небрежности, потому что тогда Толстому пришлось бы объяснять эти противорѣчія указаніемъ на ихъ истинную причину, а не формою государственной жизни.

Останапливаясь на явленіяхъ, указанныхъ выше и названныхъ противорѣчіями нашего сознанія и нашей жизни, мы сначала признаемъ необходимымъ рѣшить слѣдующіе вопросы: только исключительно въ наше время и только въ формѣ нашей государственной жизни существуютъ эти противорѣчія, или они существовали уже и до насъ? Толстой ли первый замѣтилъ существованіе этихъ противорѣчій въ человѣческой жизни, или они были извѣстны людямъ и раньше его? Существованіемъ ли государства нужно объяснять эти противорѣчія, или они имѣютъ свою особую причину? Наконецъ, — не могутъ ли другими средствами, кромѣ уничтоженія государствъ, быть уничтожены или по крайней мѣрѣ сглажены указываемыя Толстымъ противорѣчія въ человѣческой жизни?

¹⁾ Тамъ-же.

Что такія противорѣчія существовали съ тѣхъ поръ, какъ только человѣка стала знать исторія, объ этомъ ясно свидѣтельствуешь уже книга Бытія. Что уже въ патриархальныя времена человѣкъ старался разрѣшить эти противорѣчія, отыскать ихъ причину, чтобы устранить ее, — на это указываютъ всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завета. Уже въ книгѣ Иова мы встрѣчаемъ ясно выраженнымъ этотъ роковой вопросъ: „Почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Дома ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ; восклицаютъ подъ голосъ тимпана и цитры и веселятся при звукахъ свирѣли; проводятъ дни свои въ счастья... Одинъ умираетъ въ самой полнотѣ силъ своихъ... А другой умираетъ съ душою огорченною, не вкусивъ добра. Въ день погибели пощаженъ бываетъ злодѣй“ (Иов. 21, 7—30). „Межи передвигаютъ, угоняютъ стада и пасутъ у себя; у сиротъ уводятъ осла, у вдовы берутъ въ залогъ вола; бѣдныхъ сталкиваютъ съ дороги, всѣ уничиженные земли принуждены скрываться; нагіе ночуютъ безъ покрова и безъ одѣянія на стужѣ... Око прелюбодѣя ждетъ сумерковъ, говоря: ничей глазъ не увидитъ меня“ (Иова 24, 2—19). Иисусъ сынъ Сираховъ также ясно указываетъ на противорѣчія жизни: „Какой миръ у гіены съ собакою?“ спрашиваетъ онъ. „И какой миръ у богатаго съ бѣднымъ? Ловля львовъ—дикіе ослы въ пустынѣ, такъ пастбища богатыхъ—бѣдные. Отвратительно для гордаго смиреніе: такъ отвратителенъ для богатаго бѣдный. Когда пошатнется богатый, онъ поддерживается друзьями; а когда упадетъ бѣдный, то отталкивается и друзьями. Когда подвергнется несчастію богатый, у него много помощниковъ; сказалъ недѣлю, — и оправдали его. Подвергся несчастію бѣднякъ, — и еще бранятъ его; сказалъ разумно, — и его не слушаютъ. Заговорилъ богатый, — и всѣ замолчали и превознесли рѣчь его до облаковъ; заговорилъ бѣдный, — и говорятъ: это кто такой? и если онъ споткнется, то совѣмъ низвергнуть его“ (Сир. 13, 22—29). Ап. Іаковъ спрашиваетъ: „Не богатые ли притѣсняютъ васъ, и не они ли влекутъ васъ въ суды? Не они ли безславятъ доброе имя, которымъ вы называетесь?“ (Іак. 2, 6. 7). Срв. Прем. Солом. 2, 1—21 и мн. др.

Оставляемъ всю нравственную отвѣтственность на совѣсти Толстого, когда онъ утверждаетъ, что всѣ священники, получающіе жалованье, проповѣдуютъ будто бы то, во что сами не вѣруютъ. Кто назвалъ сознательными обманщиками св. Апостоловъ, для того, конечно, дѣло пустое—бросить грязью въ простыхъ священниковъ! Допускаемъ (скажемъ кстати) и мы, что между достойными пастырями церкви есть и недостойные, быть можетъ, даже и невѣрующіе. Но и это противорѣчіе не есть явленіе, свойственное только одному нашему времени. Еще въ Вехтомъ Завѣтъ на него указывалъ людямъ Самъ Богъ, говоря грѣшнику: „Что ты проповѣдусь уставы Мои и берешь за вѣтъ Мой въ уста твои, а самъ ненавидишь наставленіе Мое и слова Мои бросаешь за себя?“ (Пс. 49, 16, 17). Апостоль Павелъ указывалъ на такое же противорѣчіе іудейскому законнику и говорилъ: „Какъ же ты, уча другаго, не учишь себя самаго? Проповѣдуя не красть, крадешь? говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь? гнушаясь идоловъ, святотатствуешь? хвалишься закономъ, а преступленіемъ закона безчестишь Бога?“ (Рим. 2, 21—23).

Итакъ, богодухновенные писатели св. книгъ еще яснѣе Толстого видѣли всѣ противорѣчія жизни съ совѣстью и Божественнымъ Откровеніемъ, находили эти явленія прискорбными, неестественными, недостойными людей и потому стремились къ уничтоженію ихъ; но какими средствами, по ихъ ученію, можно было устранить эти прискорбныя явленія? Тѣми ли, какія указываетъ Толстой? Находили ли они для этого нужнымъ возбуждать людей къ революціи, къ ниспроверженію государственной формы жизни, къ уничтоженію общественнаго строя и представителей власти? Въ существованіи ли государства и властей они усматривали причину этихъ противорѣчій, какъ усматриваетъ Толстой? Нѣтъ, истинную причину всѣхъ бѣдствій чело-вѣческой жизни, всѣхъ этихъ противорѣчій между голосомъ совѣсти и дѣйствіями чело-вѣка, они указывали единственно въ испорченной грѣхомъ природѣ чело-вѣка, въ самомъ чело-вѣкѣ, въ его злой волѣ, въ его грѣховныхъ страстяхъ и похотяхъ. По ихъ ученію, противорѣчія во внѣшней жизни чело-вѣка исчезнутъ только тогда, когда будетъ уничтоженъ самый ихъ корень

—противорѣчія внутреннія въ душѣ человѣка; а это будетъ достигнуто только тогда, когда будетъ восстановлена испорченная грѣхомъ природа человѣческая. Мы видѣли уже, какой представляетъ ап. Павелъ нашу грѣховную природу; мы приводили уже его свидѣтельство о себѣ самомъ: „знаю, что не живеть во мнѣ, то есть, въ плоти моей доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. И такъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежить мнѣ злое. Ибо по *внутреннему* человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“¹⁾ Совѣсть человѣка, созданнаго по образу Божію, или законъ Божій внутренній, говоритъ намъ о любви къ ближнимъ, а грѣховная природа наша—о мщеніи и ненависти; совѣсть указываетъ на добродѣтели цѣломудрія, воздержанія, самоотверженія, а грѣховная природа влечетъ къ порокамъ сластолюбія, изнѣженности, любостыжательности, своекорыстія, и происходящимъ отсюда преступленіямъ; совѣсть предоставляетъ намъ смиреніе, грѣховная природа возбуждаетъ въ насъ гордость и т. д. Удивительно ли, если при такой раздвоенности въ душѣ и при преобладающемъ господствѣ грѣховной природы, „мы дѣлаемъ, какъ говорить Толстой²⁾, все навыворотъ того, чего требуетъ отъ насъ наша совѣсть и нашъ здравый смыслъ“? И естественно, что это противорѣчіе существовало, существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока въ душѣ человѣка будетъ царить эта явная для всѣхъ раздвоенность. Уничтожить же ее можно только тогда, когда будетъ восстановлена испорченная грѣхомъ природа человѣческая, когда человѣкъ не только объявитъ борьбу самому себѣ, но и одержитъ надъ собою побѣду. Единственными средствами для этого Божественное Откровеніе

1) Рим. 7, 18—24.

2) Ч. I. стр. 164.

признаетъ съ одной стороны—благодать или спасительную силу Божию, съ другой—самую рѣшительную дѣятельность человѣка: усвоенія ученія Божественнаго Откровенія и согласную съ нимъ жизнь. Когда этими средствами человѣкъ уничтожитъ въ себѣ самомъ злую волю и чувственныя грѣховныя похоти, тогда исчезнутъ въ его жизни и противорѣчія. Этому насъ учитъ слово Божіе; это же подтверждаютъ и многочисленные опыты христіанскихъ подвижниковъ и великихъ угодниковъ Божіихъ. Самъ ап. Павелъ видѣлъ себя вынужденнымъ объявить борьбу своей плоти, чтобы избѣжать противорѣчій. „Усмиряю и порабащаю тѣло мое,—говоритъ онъ (1 Кор. 9, 27), дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ“.

Не съ уничтоженія государственной формы жизни нужно начинать дѣло уничтоженія человѣческихъ противорѣчій и злоупотребленій, а съ нравственнаго возрожденія отдѣльныхъ членовъ государства. Ошибочна мысль, будто бы отъ однихъ только реформъ и преобразованій внѣшнихъ условій жизни, отъ однихъ только новыхъ уставовъ и положеній зависитъ поднятіе нравственности народа и улучшеніе его жизни. Самая лучшая, самая разумная реформа, предпринятая съ самыми благими намѣреніями, не можетъ принести счастья народу, если ея осуществленіе попадетъ въ руки безнравственныхъ и безчестныхъ людей. Напротивъ, люди добросовѣстные и богобоязненные, укрѣпленные въ духѣ истинно-христіанской нравственности, могутъ достигать благопріятныхъ результатовъ даже и при такихъ условіяхъ жизни, недостатки которыхъ очевидны для всѣхъ. Дѣло въ людяхъ, а не въ однихъ только формахъ внѣшней жизни. Такъ смотрѣлъ на это и одинъ изъ лучшихъ русскихъ писателей—Достоевскій, самъ много пострадавшій за свое стремленіе къ уничтоженію крѣпостного права. По его мнѣнію, даже крѣпостное право не было бы зломъ, еслибы и крестьяне и ихъ помѣщики были истинными христіанами, еслибы помѣщикъ такъ же любилъ крѣпостныхъ, какъ самага себя, заботился объ ихъ благѣ, удовлетворялъ ихъ нуждамъ и т. д. И Достоевскій былъ правъ: у многихъ богобоязненныхъ помѣщиковъ крестьянамъ жилось хорошо и привольно, такъ что они даже не хотѣли воспользоваться дарованнымъ имъ освобожде-

ніемъ отъ крѣпостной зависимости. Дѣло Мальцевскихъ крестьянъ, конечно, не было единственнымъ и исключительнымъ. Такимъ образомъ для уничтоженія въ жизни противорѣчій нужно начинать съ перевоспитанія отдѣльныхъ лицъ въ духѣ истиннаго христіанства: а затѣмъ послѣдуетъ и перевоспитаніе цѣлаго общества, уничтожьте всѣ пороки, оставьте однѣ христіанскія добродѣтели,—и противорѣчія въ жизни исчезнутъ сами собою. Пусть гордецъ уничтожитъ свою гордость и усвоитъ смиреніе; пусть властолюбецъ научится, пользуясь властью, употреблять ее во благо своихъ подчиненныхъ; пусть лжецъ перестанетъ лгать; пусть дѣти научатся почитать родителей; пусть богачъ пользуется своимъ богатствомъ не для себя только, а и для другихъ; пусть бѣднякъ не завидуетъ богатому, а съ преданностію волѣ Божіей переноситъ свою бѣдность; пусть воръ перестанетъ красть, а начнетъ честно трудиться; пусть вообще всѣ научатся любить другихъ, какъ себя, и станутъ жить не для себя только, а больше для другихъ. Тогда дѣйствительно, наступитъ на землѣ миръ, который принесенъ Спасителемъ, былъ воспѣтъ въ Вифлеемѣ ангелами, дарованъ всѣмъ людямъ въ христіанствѣ, но которымъ люди сами не хотятъ воспользоваться. Тогда наступитъ и то царство Божіе, возвѣщая которое, пророкъ говорилъ: „Волкъ и агненокъ будутъ пастись вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ есть солому, а для змѣя прахъ будетъ пищею: они не будутъ причинять зла и вреда“ (Ис. 65, 25). „Богатство моря обратится къ тебѣ, достояніе народовъ прійдетъ къ тебѣ. Множество верблюдовъ покроетъ тебя: принесутъ золото и ладанъ. Всѣ овцы Кидарскія будутъ собраны къ тебѣ: овны Неваіюскія послужатъ тебѣ. И будутъ всегда отверсты врата твои, не будутъ затворятся ни днемъ, ни ночью, чтобы приносимо было къ тебѣ достояніе народовъ. И придутъ къ тебѣ съ покорностію сыновья угнетавшихъ тебя, и падутъ къ стопамъ ногъ твоихъ всѣ презиравшіе тебя. Не слышно будетъ болѣ *насилія* въ землѣ твоей, опустошенія и раззоренія—въ предѣлахъ твоихъ“. (Ис. 60, 5—7. 11. 14. 18).

Толстой не вѣритъ этому ученію Божественнаго Откровенія; онъ предпочитаетъ ему ученіе французскихъ коммунистовъ прошлаго столѣтія о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Ему нѣтъ дѣла

до того, къ какимъ прискорбнымъ результатамъ привело французовъ это ученіе; онъ съ непонятною самоувѣренностію надѣется достигнуть при помощи этого же самаго ученія совершенно другихъ результатовъ. Конечно, Толстой можетъ думать, что ему угодно; но онъ поступаетъ несправедливо, когда это ученіе французскихъ коммунистовъ отождествляетъ съ ученіемъ христіанскимъ... По ученію христіанскому, всѣ люди братья, потому что всѣ произошли отъ одного общаго родоначальника—Адама, всѣ—братья,—потому что всѣ возрождены Исусомъ Христомъ, Который и далъ всѣмъ право быть чадами Божиими; всѣ равны предъ Богомъ, потому что „во Адамѣ всѣ согрѣшили“ и безъ искупительной жертвы Христа не могли бы сами достигнуть своего спасенія; всѣмъ равно дарованы всѣ средства ко спасенію... Никакого другого равенства между людьми христіанство не знаетъ. Какъ у обыкновенныхъ родителей дѣти бывають съ различными способностями и дарованіями; такъ и среди чадъ Божіихъ—во всемъ родѣ человѣческомъ. Одному дано десять талантовъ, другому пять талантовъ, а инымъ—только по одному таланту; но за то, кому дано много, отъ того много и потребуется, и кому много ввѣрено, съ того больше взыщутъ (Лук. 12, 48). Спаситель знаетъ богатыхъ и нищихъ и даже засвидѣтельствовалъ, что среди людей нищіе будутъ существовать всегда (Марк. 14, 7; Матѳ. 26, 11; Иоан. 12, 8); Онъ училъ, что рабъ никогда не будетъ больше господина своего и посланникъ—больше пославшаго его (Иоан. 13, 16; 15, 20), что ученикъ не долженъ быть выше учителя (Матѳ. 10, 24; Лук. 6, 40). Это же самое ученіе проповѣдывали и апостолы. Они также знаютъ богатыхъ и бѣдныхъ (Іак. 2, 2. 3. 5. 6. Рим. 15, 26; 2 Кор. 6, 10; Галат, 2, 10), людей, отличающихся другъ отъ друга по своимъ способностямъ, дарованіямъ и виѣшнему положенію. Истину этого христіанскаго ученія подтверждаетъ и исторія, и ежедневный опытъ. Да и самъ Толстой, съ особенною ревностію проповѣдующій равенство людей, на самомъ дѣлѣ не только не признаетъ его, но положительно опровергаетъ его на каждой страницѣ своей книги, противорѣча такимъ образомъ самому себѣ. По крайней мѣрѣ, себя и своихъ послѣдователей онъ всегда ставитъ и по

умственнымъ способностямъ, и по нравственности, и по практической жизни неизмѣримо выше всѣхъ другихъ людей... Но объ этомъ мы уже говорили.

Второе противорѣчіе жизни поражаетъ Толстого еще болѣе, чѣмъ разсмотрѣнное нами; онъ называетъ его *государственнымъ*. Оно состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что люди подчиняются государственнымъ законамъ. „Вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлаются законы,—говоритъ онъ ¹⁾, —мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, эти законы *суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій*, — что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости. И потому люди нашего времени не могутъ вѣрить тому, чтобы повиновеніе законамъ гражданскимъ или государственнымъ удовлетворяло бы требованіямъ разумности чело­вѣческой природы. Люди давно уже знаютъ, что неразумно повиноваться такому закону, въ истинности котораго можетъ быть сомнѣніе, и потому не могутъ не страдать, повинувшись закону, разумность и обязательность котораго не признаютъ“. Въ частности *государственное* противорѣчіе, по словамъ Толстого, выражается въ слѣдующемъ: „Мы признаемъ ненужность таможенъ и заграничныхъ пошлинъ, и должны платить ихъ, признаемъ бесполезными расходы на содержаніе двора и многихъ чиновъ управленія; признаемъ вредной проповѣдь церковную (?), и должны участвовать въ поддержаніи этихъ (?) учрежденій; мы признаемъ жестокими и *безсовѣстными* (?) наказанія, накладываемыя судами, и должны участвовать въ нихъ; признаемъ неправильнымъ и вреднымъ распределеніе земельной собственности, и должны подчиняться ему; не признаемъ необходимости войскъ и войны, и должны нести страшныя тяжести для содержанія войскъ и веденія войнъ и т. п.“ Вотъ все, что Толстой нашелъ сказать объ усмотрѣнномъ имъ въ жизни *государственномъ* противорѣчіи. Государственные законы, по его мнѣнію, не хороши только потому, что не покровительствуютъ разрушительнымъ теоріямъ грубаго социализма: охраняютъ частную собственность и личную безопасность каждаго подданнаго; вѣрный социально-коммунистическому ученію, онъ возстаетъ про-

¹⁾ Ч. I, стр. 174.

тивъ государственныхъ податей и пошлей, указывая лишь на возможность ихъ „безполезнаго расходванія“ и намѣренно умалчивая о томъ, сколько государство расходуетъ на народныя нужды и потребности: на защиту государства отъ вѣшнихъ враговъ и на предупрежденіе внутреннихъ беспорядковъ, на школы, больницы, приюты, богадѣльни, устройство путей сообщенія, улучшеніе народнаго хозяйства и т. д. и т. д. Какъ врагъ христіанства, Толстой и здѣсь, уже безъ всякаго повода и основанія, говоритъ о *вредѣ церковной проповѣди* только потому, что она *церковная*, и въ самомъ существованіи ея видитъ *государственное* противорѣчіе!... Если бы Толстой былъ болѣе справедливъ и безпристрастенъ, онъ, конечно, выражался бы нѣсколько точнѣе и опредѣленнѣе: вмѣсто: „мы признаемъ“, „*всѣ* мы знаемъ“ онъ говорилъ бы прямо: „мы — коммунисты, нигилисты и анархисты — признаемъ“. Ибо, какъ можно было усмотрѣть изъ *разсужденія* его о государственномъ противорѣчій, кромѣ общихъ социалистически-нигилистическихъ фразъ онъ ничего не сказалъ. Но фантазіи нигилистовъ, социалистовъ, коммунистовъ и анархистовъ русскимъ людямъ уже надобѣли и опротивѣли...

О важномъ и благотворномъ, нравственно-воспитательномъ значеніи государственнаго законодательства съ философско-юридической точки зрѣнія пришлось бы говорить слишкомъ много; разсужденіе по этому предмету, само по себѣ, могло бы составить цѣлую и весьма объемистую книгу, могло бы дать обильный матеріалъ для ученой диссертациі. Но и для каждаго понятно, насколько не правъ Толстой, называя государственныя законы „произведеніями только корысти, обмана и борьбы партій“. Охраняя права отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, гражданскіе законы имѣютъ въ виду единственную цѣль — удовлетвореніе требованіямъ истинной справедливости: „не бери того, что не твое; если ты взялъ чужое, возврати его тому, кому оно принадлежитъ“. Уголовныя законы идутъ далѣе: они не караютъ только совершившихъ преступленіе и не охраняютъ только гражданъ отъ возможности совершенія преступленій въ будущемъ, но еще и воспитываютъ общество въ тѣхъ или другихъ нравственныхъ понятіяхъ; они указываютъ зло въ общественной

жизни и, наказывая преступника, этим самым ясно говорят всему обществу, что и въ будущемъ такое преступленіе не можетъ остаться ненаказаннымъ. Требованія государственнаго закона суть требованія народной совѣсти и потому осуждать законъ значитъ осуждать совѣсть цѣлаго народа. Но мы посмотримъ на значеніе и смыслъ государственнаго законодательства—не съ этой юридически-философской точки зрѣнія, а съ той, какъ учить объ этомъ христіанство.

Толстой постоянно называетъ себя „истиннымъ христіаниномъ“; но еслибы онъ дѣйствительно былъ истиннымъ христіаниномъ, то онъ никогда не сказалъ бы о государственномъ законодательствѣ того, что онъ сказалъ. По ученію христіанства, законъ вообще имѣетъ важное нравственно-воспитательное и нравственно-исправительное значеніе. Представители власти и закона суть орудія правды Божіей. Когда были написаны новозавѣтныя книги Св. Писанія, власть находилась въ рукахъ даже враговъ христіанства—язычниковъ; тѣмъ не менѣе великій Апостолъ язычниковъ пишетъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ *страха* наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіе служители, симъ самымъ постоянно заняты“ (Рим. 13, 1—6; срв. Петр. 2, 13, 14; Тит. 3, 1; 1 Петр. 3, 13 и др.).—Въ виду этого столь ясно выраженнаго истинно-христіанскаго ученія Толстой, какъ бы для нѣкотораго оправданія своей совѣсти, ссылается ¹⁾ на то, что теперь „въ большинствѣ случаевъ люди нашего времени не вѣрятъ“, что законы, возвыщенные даже въ

1) Ч. I. стр. 173.

Божественномъ Откровеніи, „писанъ пальцемъ Бога“ (какое кощунственное выраженіе!) и что власть установлена Богомъ. Но что и это за оправданіе? Мало ли чему, „не вѣрятъ въ большинство случаевъ люди нашего времени“? Толстой и толстовцы не вѣрятъ даже въ самое бытіе личнаго Бога!.. Не признаютъ обязательнымъ для дѣтей почитать родителей и повиноваться имъ! Но что-же изъ этого?—Истина остается истинной. Дѣйствительность ничего не теряетъ отъ того, что душевно-больные люди представляютъ ее себѣ иною, чѣмъ какова она на самомъ дѣлѣ. Не вѣруешь въ Божественное Откровеніе,— это — дѣло твоей совѣсти; но не называй же себя послѣдователемъ этого Откровенія; не вѣруешь, что христіанское ученіе проповѣдуетъ истину,—не называй же себя и христіаниномъ. Скажи прямо и откровенно: кто ты? Соціалистъ? нигилистъ? коммунистъ или анархистъ?—Тогда по крайней мѣрѣ ты не будешь водить въ потемкахъ своего читателя. Онъ будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и если признаетъ тебя заблуждающимся, не согласится съ твоими взглядами, то во всякомъ случаѣ не будетъ уличать тебя въ недобросовѣстности и безчестности. Въ томъ-то и состоитъ основная ложь всего ученія Толстого и его безчестность, какъ писателя, что онъ заимствуетъ свои положенія изъ чуждаго, даже враждебнаго христіанству источника (у позитивистовъ, пантеистовъ, соціалистовъ, коммунистовъ, нигилистовъ и даже анархистовъ), и въ то же время увѣряетъ читателя, что его ученіе—истинно христіанское...

Толстой, какъ мы видѣли, самъ указываетъ въ жизни множество противорѣчій между требованіями совѣсти и дѣйствіями людей. Съ точки зрѣнія государственнаго законодательства эти противорѣчія суть преступленія, по ученію христіанскому—грѣхи. И вотъ гражданскіе законы, основывающіеся на законѣ Божіемъ, главною цѣлію своею имѣютъ именно уничтоженіе, устраненіе, предотвращеніе или пресѣченіе этихъ противорѣчій, преступленій, или грѣховъ. По ученію христіанскому, законъ является необходимымъ послѣдствіемъ существованія преступленій, а съ другой стороны—средствомъ для опредѣленія преступленій и отличія ихъ отъ дѣйствій непротивныхъ совѣсти и волѣ Божіей. „Для чего же законъ? говоритъ Ап. Павелъ.

Онъ данъ послѣ, по причинѣ преступленій“ (Гал. 3, 19). Гдѣ нѣтъ преступленія, тамъ не нуженъ и законъ (Рим. 4, 15). Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокоривыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ, развратныхъ и оскверненныхъ, для оскорбителя отца и матери, для челоуѣкоубійць, для блудниковъ, клеветниковъ, лжецовъ, клятвопреступниковъ, и для всего, что противно здравому ученію“ (1 Тим. 1, 9—10). Кто имѣеть „любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе,—на такихъ нѣтъ закона“ (Гал. 5, 22, 23). „Закономъ познается грѣхъ“ (Рим. 3, 20). „И такъ законъ противенъ обѣтованіямъ Божиимъ?—Никакъ! законъ былъ для насъ дѣтководителемъ ко Христу“ (Гал. 3, 21, 24), „законъ духовенъ“ (Рим. 7, 14), „законъ святъ“ (Рим. 7, 12), „законъ добръ“ (Рим. 7, 16; 1 Тим. 1, 8), „если кто законно употребляетъ его“ (1 Тим. 1, 8). Послѣ этого понятно, почему истинный христіанинъ, исповѣдующій, что законъ духовенъ, святъ и добръ, не можетъ утверждать вмѣстѣ съ Толстымъ, что законъ есть государственное противорѣчіе и произведеніе корысти, обмана и борьбы партій... Апостоль Іаковъ прямо говоритъ: „Если вы исполняете законъ царскій,—хорошо дѣлаете. Но если поступаете съ лицепріятіемъ, то грѣхъ дѣлаете, и предъ закономъ оказываетесь преступниками“ (Іак. 2, 8, 9). Истинный христіанинъ иначе и не можетъ говорить о законѣ государственномъ, если онъ не противорѣчитъ закону Божию. Христіанская любовь стоитъ, конечно, выше закона; но и законъ долженъ быть орудіемъ ея, какъ ветхозавѣтный законъ былъ для людей дѣтководителемъ ко Христу.

Наконецъ, третье и послѣднее противорѣчіе, которое Толстой разъясняетъ съ особеннымъ усиленіемъ, онъ усматриваетъ въ международныхъ сношеніяхъ. Это противорѣчіе христіанскаго сознанія и войны. Въ помощь себѣ Толстой приводитъ множество мнѣній разныхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученыхъ о томъ, что война и расходы по содержанію армій есть не добро, а зло. Эти мнѣнія и взгляды ученыхъ на войну занимають въ книгѣ Толстого цѣлыхъ 63 страницы—отъ 176 до 239! Благодаря этому мы узнаемъ, какъ отзывались о войнѣ про-

фессоръ международнаго права графъ *Комаровскій* „въ своемъ ученомъ трактатѣ“ (?), *Эрико Ферри*, *Чарльзъ Бутъ* „въ рѣчи своей, читанной въ Лондонѣ въ ассоціаціи для реформы и кодификаціи закона народовъ 26 іюня 1887 года“, *Frederic Passy* „въ запискѣ, читанной на послѣднемъ конгрессѣ (1890 г.) всеобщаго мира въ Лондонѣ“, *Sir Wilfred Lawson*, говорившій на томъ же конгрессѣ,—*Mr. I. Iowet Wilson*, *Mr. E. D. Bartlett*, *Габбѣ Defourny*, Синьоръ *Е. Г. Монета*, *Maxime du Camp*, „даровитый писатель“ (другъ и послѣдователь Толстого) *E. Rod*, *Монасанъ*, „знаменитый академикъ“ (почитатель Толстого) *Дусэ*, *Жюль Кларети (Jules Claretie)*, Э. Золя, „академикъ *Вомозъ*“ (другъ Толстого) и др. Разбираемая нами книга Толстого была издана уже въ ноябрѣ прошлаго года; а въ настоящемъ году въ Лондонѣ также былъ созванъ конгрессъ всеобщаго мира, на который были устремлены умилительные взоры всѣхъ противниковъ войны. Англійскіе ораторы въ своихъ увлекательныхъ рѣчахъ, указывая на всѣ ужасы и бѣдствія порождаемыя войнами, на тѣ громадныя расходы, которыя несетъ Европа по содержанію многочисленныхъ армій, настойчиво требовали всеобщаго разоруженія и учрежденія третейскаго суда для рѣшенія всѣхъ споровъ, которые могутъ возникать между различными государствами. Рѣчи лились безъ перерыва. Не успѣвалъ окончить своей рѣчи одинъ ораторъ, какъ его мѣсто занималъ другой. Ихъ сладкія рѣчи о вѣчномъ и всеобщемъ мирѣ публика слушала съ умиленіемъ. Но вдругъ встаетъ одинъ ораторъ, обладавшій большимъ благоразуміемъ, чѣмъ его товарищи, и указываетъ на внутреннюю ложь всѣхъ ихъ сладкихъ рѣчей. „Наша англійская армія для Европы не страшна и не имѣетъ никакого значенія (такъ приблизительно гласила его рѣчь); ей страшень только нашъ многочисленный флотъ, на который мы производимъ слишкомъ большія и тяжелыя затраты; поэтому, если вы дѣйствительно хлопочете о мирѣ, то прежде всего потребуйте отъ правительства уничтоженія флота“. По словамъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“, на эту рѣчь не послѣдовало никакихъ возраженій, и члены конгресса тихо разошлись по домамъ. Понятно, почему о всеобщемъ разоруженіи армій любятъ ораторствовать англичане...

Толстой перечислилъ всѣхъ англичанъ, которые выдаютъ себя за гуманныхъ противниковъ войны; но онъ намѣренно, конечно, умолчалъ о христіанской Церкви, которая около 2000 лѣтъ ежедневно по нѣскольку разъ возноситъ свои молитвы *о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ, объ отвращеніи междоусобныхъ брани, нашествія иноплемениковъ* и т. п. Доказывать, что война есть зло весьма легко и удобно, потому что эта истина также ясна, какъ $2 \times 2 = 4$. Но съ другой стороны для каждаго должно быть ясно и то, что это зло неизбежное. Даже Христосъ, даровавшій міру религію любви и всепрощенія, съ прискорбіемъ долженъ былъ утверждать предъ учениками, что въ этомъ грѣховномъ мірѣ, который весь во злѣ лежитъ, войны не прекратятся никогда, и что даже Самъ Онъ принесъ на землю не миръ, но раздѣленіе (Лук. 12, 51). „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ, ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги человѣку—домашніе его“ (Матѣ. 10, 34—36). Исторія многочисленными фактами подтвердила истину этихъ словъ. Достаточно упомянуть о языческихъ гоненіяхъ на христіанъ и крестовыхъ походахъ. Указывая признаки кончины міра, Спаситель также говорилъ: „Услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь: ибо *надлежитъ всему тому быть*. Но это еще не конецъ: ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство“ (Матѣ. 24, 6. 7). Хотя въ Евангеліяхъ нигдѣ не говорится о томъ, признавалъ ли Господь войну дозволенною, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ: но можно думать, что для жизни государствъ Онъ не отрицалъ ея политическаго значенія, какъ средства защиты отъ нападенія враговъ. По крайней мѣрѣ, на вопросъ Пилата: „Ты Царь Іудейскій?“ Спаситель отвѣчалъ такъ: „Царство Мое не отъ міра сего: если-бы отъ міра сего было Царство Мое, то служители—Мои подвизались бы за Меня (*οἱ ὑπηρετοὶ ἂν οἱ Ἰουδαίους*), чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ“ (Іоан. 18, 36).

Пусть Толстой и подобные ему утописты мечтаютъ найти средство для уничтоженія войнъ, хотя они, безъ сомнѣнія, и сами не вѣрятъ тому, что говорятъ. Но истинный христіанинъ

не может предаваться таким пустым мечтаніямъ празднои фантазіи. Ему, по примѣру Самаго Христа, приходится только скорбѣть о грѣховности міра и о неизбѣжности такого зла, какъ война; вѣруя словамъ Спасителя, что войны будутъ ведены до конца міра, онъ будетъ поступать по христіанскому чело-вѣколюбію, когда, отказавшись найти средства для совершеннаго уничтоженія войнъ, будетъ заботиться объ устраненіи различныхъ поводовъ къ войнѣ и объ облегченіи тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, которыя всегда влекутъ за собою ожесточенныя войны.

Главная цѣль, къ которой направлены всѣ стремленія Толстого, есть собственно разрушеніе существующаго порядка государственной жизни. О войнѣ онъ говоритъ съ крайнимъ возмущеніемъ не только потому, что она есть зло сама по себѣ, но и потому, что чрезъ это для него является возможность въ такомъ же ужасномъ, мрачномъ видѣ представить и военную службу, на которую онъ смотритъ, какъ на главную внѣшнюю опору государства. Желая, во что бы то ни стало, нарисовать самую мрачную картину войны и военной службы, Толстой прибѣгаетъ къ помощи приѣмовъ явно тенденціозныхъ и ведетъ дѣло съ очевидною для читателя предвзятостію. Онъ не видитъ даже серьезныхъ побужденій къ войнѣ. „Правда, теперь уже не воюютъ изъ за того, что одинъ король не исполнилъ учтивости относительно любовницы другого, говоритъ онъ ¹⁾, но, преувеличивая *почтенныя* и *естественныя чувства* національнаго достоинства и патріотизма и возбуждая общественное мнѣніе одного народа противъ другого, доходятъ, наконецъ, до того, что становится достаточнымъ того, чтобы было сказано,—хотя бы извѣстіе и было невѣрно,—что посланникъ вашего государства не былъ принятъ главой другого государства, для того, чтобы разразилась самая ужасная и гибельная война изъ всѣхъ тѣхъ, которыя когда либо были“. Если читатель обратитъ достаточное вниманіе на то, какими причинами были вызваны, напр., нами послѣднія войны съ Турціей—Крымская и Восточная, то ясно увидитъ, насколько невѣрны и легко-

¹⁾ Ч. I, стр. 186.

мысленны разсужденія Толстого. Изъ исторіи этихъ войнъ видно что не правители возбуждали общественное мнѣніе одного народа противъ другого, а самъ народъ вынуждалъ правителей объявлять войну. Какъ поэтъ, которому должны быть извѣстны всѣ движенія души человѣческой, Толстой легко могъ бы представить, сколько бессонныхъ ночей провели наши въ Бозѣ почивающіе Государи, сколько душевныхъ мученій испытали Они; прежде чѣмъ рѣшились объявить войну Турціи. Смерть множества людей—дѣло ужасное! Но русскій народъ—отъ простого рабочаго до высшаго представителя русской прессы—требовалъ самымъ настойчивымъ образомъ этой жертвы для искупленія своихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ. Добровольцы, по собственной инициативѣ, массами отправлялись на мѣсто кровопролитія. И только послѣ этого, въ виду совершенной невозможности уладить дѣло съ Турціей, послѣ употребленія всѣхъ другихъ средствъ при помощи дипломатіи, не имѣя силъ противиться требованію русскаго народа, правительство объявило эти войны. Дѣло это было недавно; истину сказаннаго нами провѣрить легко, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко увидѣть, насколько невѣрны сужденія Толстого.

Главною причиною войны Толстой признаетъ чувство патріотизма ¹⁾. Это чувство онъ считаетъ эгоистическимъ, а потому ложнымъ и противухристіанскимъ, такъ какъ оно будто бы несоединимо съ обязанностію христіанина одинаково любить всѣхъ людей. Впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ, какъ и въ приведенномъ нами выше, онъ, въ полномъ противорѣчій самому себѣ, чувство патріотизма называетъ уже *почтеннымъ* и *естественнымъ* ²⁾. Чему же вѣрить? Но такъ какъ подобныя противорѣчія у Толстого слишкомъ многочисленны и неразрѣшмы, то мы оставляемъ открытымъ и этотъ вопросъ ³⁾. Отмѣтимъ только, что, по христіанскому ученію, патріотизмъ дѣйствительно признается чувствомъ *естественнымъ* и *почтеннымъ*. „Если кто о сво-

1) Ч. 1, стр. 186, 194.

2) Ч. 1, стр. 186.

3) Интересно, что, осуждая чувство патріотизма у русскихъ людей, Толстой находитъ естественнымъ проявленіе сепаратизма у поляковъ, остзейскихъ нѣмцевъ и евреевъ. Ср. Ч. II, стр. 50.

ихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). „Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуешь мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ,—говоритъ ап. Павелъ (Рим. 9, 1—4),—что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянъ“. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ не былъ чуждъ патріотическаго чувства. Это доказываетъ вся исторія Его земной жизни. Для подтвержденія этого мы не будемъ ссылаться на Его любовь къ Галилеѣ, Тиверіадскому озеру, „Своему городу“ ¹⁾ Капернауму; мы напомнимъ только читателю о томъ, какъ за нѣсколько дней до Своихъ крестныхъ страданій, во время торжественнаго входа въ столицу Палестины, Спаситель, взглянувъ на Іерусалимъ, заплакалъ о немъ и сказалъ: о если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему!“ (Лук. 19, 42). Сколько проявлено въ этихъ словахъ и этихъ слезахъ любви къ священному для каждаго іудея городу! Могъ ли послѣ этого Христосъ, Самъ плакавшій объ Іерусалимѣ, осудить тѣхъ іудеевъ, которые, движимые чувствомъ благороднаго патріотизма, также со слезами говорили нѣкогда, обращаясь къ тому же городу: „При рѣкахъ Вавилона тамъ сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ... Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой? Если я забуду тебя, Іерусалимъ,—забудь меня десница моя; прильни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего“ (Ис. 136, 1. 4—6). А если христіанство не можетъ осуждать іудейскаго патріотизма, котораго не былъ чуждъ и Самъ Спаситель, то какъ же оно будетъ осуждать патріотизмъ вообще?...

Толстой возмущается войною главнымъ образомъ потому, что ради нея, въ Европѣ держится подъ ружьемъ 28.000,000 молодыхъ людей и что на содержаніе ихъ съ 1872 года (до какаго года—неизвѣстно) народы Европы издержали 15 мильяродовъ рублей) ²⁾. По этой же причинѣ онъ крайне возмущается

¹⁾ Мѡ. 9, 1.

²⁾ Ч. I. стр. 181. 182.

и общему военною повинностью, которую онъ считаетъ „послѣднимъ предѣломъ противорѣчія, дальше котораго идти нельзя“¹⁾. При этомъ онъ доказываетъ вредъ общей воинской повинности еще тѣмъ, что она „отрываетъ всѣхъ мужчинъ отъ обычнаго теченія жизни и нарушаетъ возможность самаго труда“²⁾. „Угрозы войны, готовой всякую минуту разразиться,—говоритъ Толстой³⁾,—дѣлаютъ бесполезными и тщетными всѣ усовершенствованія общественной жизни“. Несправедливость этого сужденія увидѣть легко; для этого нужно только провѣрить его съ дѣйствительностію, и тогда окажется: 1) что общая воинская повинность не есть „послѣдній предѣлъ противорѣчія“, а есть только дѣло справедливости—уравненіе подданныхъ въ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ государству, благодаря чему одинаковыя обязанности возлагаются какъ на сына сенатора, такъ и на сына послѣдняго крестьянина; 2) что общая воинская повинность вовсе не отрываетъ *всѣхъ* мужчинъ отъ обычнаго теченія жизни, а изъ *всѣхъ* она беретъ для военной службы столько, сколько бралось и до общей воинской повинности; и, наконецъ, 3) что, слѣдовательно, общая воинская повинность не помѣшала усовершенствованіямъ общественной жизни; напротивъ, ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ, что со времени введенія общей воинской повинности постоянно увеличиваются разныя усовершенствованія, какъ по земледѣлію и веденію сельскаго хозяйства, такъ и въ ремеслахъ.

У Толстого есть нѣчто роковое—путаться въ непонятныхъ противорѣчійхъ, имъ же самимъ постоянно измышляемыхъ. Не удивительно поэтому, что въ VII главѣ своей книги онъ уже противорѣчитъ тому, что онъ утверждалъ въ двухъ предшествующихъ. Теперь уже оказывается, что главное зло государственной жизни не въ войнахъ съ сосѣдями, а въ войнѣ государства съ своими подданными. Войска уже оказываются нужными не для войны съ враждебными народами. „Войска, говоритъ Толстой⁴⁾, прежде всего нужны всякому правительству

1) Ч. I, стр. 240.

2) Ч. I, стр. 258.

3) Тамъ-же.

4) Ч. I, стр. 254.

и правящимъ классамъ для того, чтобы поддержать тотъ порядокъ вещей, который не только не вытекаетъ изъ потребности народа, но часто прямо противоположенъ ему, и выгоденъ только правительству и правящимъ классамъ. Войска нужны всякому правительству прежде всего для содержанія въ покорности своихъ подданныхъ и для пользованія ихъ трудами¹⁾. Однимъ словомъ, войска нужны для поддержанія власти; но власть сама по себѣ есть явленіе безнравственное, потому что „основа власти есть тѣлесное насиліе²⁾“. Поэтому и „люди, находящіеся у власти,—говоритъ Толстой²⁾),—будь они министры, полицмейстеры, городовые—всегда, вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности“; „люди имѣющіе власть, именно вслѣдствіе обладанія властью, всегда не святы³⁾“; обладаніе властью развращаетъ людей⁴⁾“; захватывать и удерживать власть никакъ не могутъ болѣе добрые⁵⁾“; „безъ возвеличиванія себя и униженія другихъ, безъ лицемерія, обмановъ, безъ тюремъ, крѣпостей, казней, убійствъ не можетъ ни возникнуть, ни держаться никакая власть⁶⁾“; злые всегда властвуютъ надъ добрыми⁷⁾“; „поэтому подчиненіе власти государства совершенно бесполезно⁸⁾“. Таковы сужденія Толстого о государственной власти. Но этого мало. Онъ идетъ въ этомъ направленіи далѣе и прямо, какъ обыкновенный бунтарь анархистъ, начинаетъ возбуждать своихъ послѣдователей къ открытому неповиновенію государственной власти, доказывая⁹⁾ рядомъ софизмовъ, что „исполненіе требованій государства и подчиненіе себя воинской повинности для человѣка въ большей части случаевъ невыгоднѣе, чѣмъ отказъ отъ нея“. „Если я принадлежу къ меньшинству угнетателей, говоритъ Толстой¹⁰⁾), невы-

1) Ч. I. стр. 243.

2) Стр. 244.

3) Ч. I. стр. 245.

4) Ч. I. стр. 248.

5) Ч. II. стр. 45.

6) Тамъ же.

7) Ч. II стр. 48 и мн. др.

8) Ч. I. стр. 258.

9) Ч. I. стр. 265.

10) Ч. I. стр. 266—268.

годы неподчиненія требованіямъ правительства будутъ состоять въ томъ, что меня, какъ отказавшагося исполнить требованія правительства, будутъ судить и въ лучшемъ случаѣ или оправдаютъ или, какъ поступаютъ у насъ съ менонитами,—заставятъ отбывать срокъ службы на невоенной работѣ; въ худшемъ же случаѣ приговорятъ къ ссылкѣ или заключенію въ тюрьму на два или на 3 года (я говорю по примѣрамъ бывшимъ въ Россіи), или, можетъ быть, и на болѣе долгое заключеніе, можетъ быть и на казнь, хотя вѣроятіе такого наказанія очень мало. Таковы невыгоды не подчиненія. Невыгоды же подчиненія будутъ состоять въ слѣдующемъ: въ лучшемъ случаѣ меня не пошлютъ на убійство людей и самаго не подвергнутъ большимъ вѣроятіямъ искалѣченія и смерти, а только зачислятъ въ военное рабство: я буду наряженъ въ шутовской нарядъ (будто тепершняя блуза Толстого *для него* не шутовской нарядъ!), мною будетъ помыкать всякій человѣкъ выше меня чиномъ (а для гордеца это тяжело!)—отъ ефрейтора до фельдмаршала, меня заставятъ кривляться тѣломъ, какъ имъ этого хочется, и, продержавъ меня отъ одного до пяти лѣтъ, оставятъ меня на десять лѣтъ въ положеніи готовности всякую минуту явиться опять на исполненіе всѣхъ этихъ дѣлъ. Въ худшемъ же случаѣ будетъ то, что при всѣхъ же прежнихъ условіяхъ рабства меня еще пошлютъ на войну, гдѣ я вынужденъ буду убивать ничего не сдѣлавшихъ мнѣ людей чужихъ народовъ, гдѣ могу быть искалѣченъ и убитъ (казненнымъ, значить, быть лучше!) и гдѣ могу попасть въ такое мѣсто, какъ это бывало въ Севастополѣ и какъ бываетъ во всякой войнѣ, гдѣ люди посылаются на вѣрную смерть, и что мучительнѣе всего, могу быть посланъ противъ своихъ же соотечественниковъ (отрицаніе и осужденіе патріотизма—и любовь къ соотечественникамъ!) и буду убивать своихъ братьевъ (!?) для династическихъ и совершенно чуждыхъ мнѣ правительственныхъ интересовъ.—Таковы сравнительныя невыгоды. Сравнительныя же выгоды подчиненія и неподчиненія слѣдующія: Для неотказавшагося выгоды будутъ состоять въ томъ, что онъ, подвергнувшись всѣмъ униженіямъ (?) и исполнивъ всѣ жестокости (?!), которыя отъ него требуются, можетъ не будучи убитымъ получить украшенія красныя, золотыя, мишурныя на

свой шутовскій нарядъ (опять нарядъ!), можетъ въ лучшемъ случаѣ распорядиться надъ сотнями тысячъ такихъ же какъ и онъ *оскотиненныхъ* (?!) людей и называться фельдмаршаломъ и получать много денегъ. Выгоды же отказавшагося будутъ состоять въ томъ, что онъ сохранитъ свое человѣческое достоинство (?), получитъ уваженіе *добрыхъ людей*, и главное—будетъ несомнѣнно знать, что онъ дѣлаетъ *дѣло Божье*, (?!) и потому—несомнѣнное добро людямъ. (Дѣлать добро людямъ такимъ образомъ, по Толстому, значитъ—не повиноваться правительству!). Невыгоды для человѣка изъ рабочаго класса, не отказавшагося отъ военной службы, будутъ еще состоять въ томъ, что, поступая въ военную службу, онъ своимъ участіемъ и какъ-бы согласіемъ закрѣпляетъ то угнетеніе, въ которомъ находится онъ самъ“.

Думаемъ, что если бы мы это разсужденіе Толстого изложили своими словами, а не его собственными, съ точнымъ обозначеніемъ страницъ книги, на которыхъ оно помѣщено, то многіе изъ почитателей яснополянскаго лжепророка, до сихъ поръ не понявшіе его и продолжающіе считать его только простымъ мистикомъ и утопистомъ, честнымъ мыслителемъ или искателемъ истины, конечно, не повѣрили бы тому, что мы не исказили намѣренно его мысли. И эти люди были бы отчасти правы. Быть можетъ, мы и сами бы такъ подумали, если бы другіе намъ передали содержаніе книги Толстого, а не прочитали ея нѣсколько разъ мы сами. Приведенная нами выдержка изъ послѣдняго сочиненія Толстого—„Царство Божіе внутри васъ“—болѣе похожа на прокламацію безнабашнаго анархиста, чѣмъ на спокойное разсужденіе философствующаго мыслителя. Но ложь анархизма теперь уже признана всѣми не только теоретически, но и практически—горькимъ опытомъ. Послѣдніе анархическіе процессы и до цинизма откровенныя показанія такихъ анархистовъ, какъ Ревашоль и Аври, ясно показали міру, что это за люди; ихъ прошлое омрачено и запятнано безнравственностію и безчеловѣчными преступленіями; ихъ жадность ненасытима; ими движутъ исключительно эгоистическія побужденія; они возстали противъ власти и государства, противъ всѣхъ и каждаго, только потому, что, явившись на міровой банкетъ, не нашли *для себя* приготовленнаго при-

бора и жирнаго, вкуснаго блюда. Такой же эгоизмъ проглядываетъ и въ приведенномъ сужденіи Толстого. Онъ не хочетъ подчиняться правительству и поступать въ военную службу только потому, что надъ нимъ будетъ командовать человѣкъ выше его чиномъ; онъ боится, чтобы его не убили, не искалѣчили; ему не нравится въ военной службѣ, что на него надѣнуть *шутовскій* нарядъ придуманный другими, хотя онъ охотно натянулъ на себя гораздо болѣе шутовскій нарядъ, но избранный имъ самимъ; онъ не хочетъ поступать въ военную службу, потому что для него выгоднѣе просидѣть два года въ острогѣ, чѣмъ четыре года на дѣйствительной службѣ въ войскахъ и т. д.

Впрочемъ, самъ по себѣ, анархизмъ Толстого насъ даже мало интересуетъ; его ложь очевидна; она разоблачена во Франціи самыми дѣйствіями анархистовъ. Но насъ возмущаетъ то, что свои анархическія воззрѣнія Толстой называетъ „истинно-христіанскимъ ученіемъ“, „дѣломъ Божиимъ“, „заповѣдію о любви къ ближнему“. Странно даже доказывать, что христіанское ученіе и въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ анархическимъ ученіемъ Толстого. По ученію христіанскому, власть не заключаетъ въ себѣ ничего безнравственнаго и никого не развращаетъ; она есть средство для пользы и блага людей и основывается главнымъ образомъ на высшихъ нравственныхъ началахъ—вѣрѣ въ Бога, любви къ ближнимъ и совѣсти каждаго христіанина; поэтому пользующіеся властію не только не злые люди, а напротивъ—наиболѣе добрые. Злоупотребленія властію ничего не говоритъ противъ самаго ученія христіанскаго о достоинствѣ власти. По ученію Божественнаго Откровенія, Самъ Богъ, какъ Творецъ и Владыка міра, есть истинный источникъ власти. Иисусъ Христосъ, Котораго даже Толстой еще не считаетъ ни злымъ, ни безнравственнымъ, „зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его“ (Іоан. 13, 3), Самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ: „Все предано Мнѣ Отцомъ Моимъ“ (Матѣ. 11, 27), „дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Матѣ. 28, 18); „Отецъ любитъ Сына и все далъ въ руку Его“ (Іоан. 3, 35) и въ молитвѣ къ Оцу говорилъ: „Ты далъ Ему власть надъ всякою плотію“ (Іоан. 16, 2). Вполнѣ согласно съ этимъ учили объ Иисусѣ Христѣ и Его Апостолы, „Иисусъ Христосъ, вос-

шедь на небо, пребываетъ одесную Бога и *Ему покорились* Ангелы и *власти* и силы“ (1 Петр. 3, 22). „Христось для того и умеръ и воскресъ и ожилъ чтобы *владычествовать* и надъ мертвыми и надъ живыми“ (Рим. 14, 9). „Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Иисуса *преклонилось* всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ“ (Филип. 2, 9). Господь далъ власть Апостоламъ (Матѳ. 10, 1; Марк. 3, 15; Лук. 9, 1; Матѳ. 18, 15—18; 16, 19; Иоан. 20, 23) и Апостолы поэтому исповѣдывали Христа „главою *всякаго* начальства и власти“ (Колос. 2, 10). Но не только духовная власть Апостоловъ и ихъ преемниковъ, но и гражданская власть царей и правителей, по истинно христіанскому ученію, проистекаетъ только отъ Бога. Даже языческому правителю Пилату Господь сказалъ: „Ты не имѣлъ бы надо Мною ни какой *власти*, еслибы не было дано тебѣ *свыше*“ (Иоан. 19, 11). Согласно съ этимъ учили и Апостолы: „вѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены“ (Рим. 13, 1). „Будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. 2, 13, 14). „Напоминай имъ повиноваться и покоряться начальству и властямъ“ (Тит. 3, 1). Христіанское ученіе требуетъ только, чтобы начальствующія лица пользовались своею властію не для удовлетворенія своимъ эгоистическимъ стремленіямъ— властолюбію, честолюбію, самолюбію, гордости или корысти, а исключительно для блага и пользы подчиненныхъ. „Кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ; такъ какъ Сынъ Человѣскій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ“ (Матѳ. 20, 26—28. Марк. 10, 43—45; Лук. 22, 24—27; Матѳ. 23, 11).

Относительно военной службы, воиновъ и военачальниковъ истинно-христіанское ученіе также не имѣетъ ничего общаго съ лжеученіемъ Толстого. Во время земной жизни Иисуса Христа въ Капернаумѣ проживалъ одинъ римскій сотникъ, т. е.,

воинъ и даже военачальникъ. Спаситель однако-же не называлъ его *оскотиненнымъ* человѣкомъ, какъ называетъ Толстой всѣхъ военныхъ—отъ рядового до фельдмаршала, а напротивъ, указывая на него іудеямъ, какъ на примѣръ достойный подражанія, отзывался о немъ такъ: „истинно говорю вамъ: и въ Израилѣ не нашель Я такой вѣры“ (Матѣ. 8, 10; Лук. 7, 9). Другой сотникъ, равно какъ и воины его, которые вмѣстѣ съ нимъ стерегли на Голгоѣ распятаго Иисуса Христа, также не были *оскотиненными* людьми, ибо всѣ они увѣровали во Христа и говорили: „воистинну Онъ былъ Сынъ Божій“ (Матѣ. 27, 54; Марк. 15, 39; Лук. 23, 47). Въ Кесаріи былъ нѣкоторый мужъ, именованъ Корнилій, *сотникъ* изъ полка, называемаго Италійскимъ; но и его нельзя назвать *оскотиненнымъ* человѣкомъ, ибо, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ (10, 2), онъ былъ человѣкъ „благочестивый и боящійся Бога со всѣмъ домою своимъ, творившій много милостыни народу и всегда молившійся Богу“. Понятно послѣ этого, почему и Апостолы не только не презирали, а напротивъ съ истиннымъ уваженіемъ относились къ военному званію и не находили ничего соблазнительнаго въ томъ, что свое содержаніе воины получали отъ государства. Такъ ап. Павелъ пишетъ ученику своему Тимоею: „Переноси страданія, какъ добрый *воинъ* Иисуса Христа. Никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими, чтобы угодить военачальнику“ (2 Тим. 2, 3, 4). „Преподаю тебѣ, сынъ мой Тимоею, сообразно съ бывшими о тебѣ пророчествами, чтобы ты воинствовалъ согласно съ ними, какъ добрый воинъ“ (1 Тим. 1, 18). И въ посланіи къ Коринѣянамъ: „Какой воинъ служить когда либо на своемъ содержаніи?“ (1 Кор. 9, 7). Еслибы апостолы считали воиновъ *оскотиненными* людьми, то они не уподобляли бы имъ дѣятельности и трудовъ апостольскихъ. Первенствующіе христіане также не считали участіе въ военной службѣ противнымъ своей христіанской совѣсти. Подъ римскими знаменами существовалъ даже особый полкъ, состоявшій изъ однихъ только христіанъ. Климентъ Римскій прямо восхваляетъ тѣхъ героевъ, которые оружіемъ защищали свое отечество. Цѣлый соборъ христіанъ—Арелатскій постановилъ отлучать отъ церкви, между прочимъ, тѣхъ, кто видитъ

въ военной службѣ и въ войнѣ лишь зло и отказывается отъ участія въ нихъ ¹⁾; а соборъ этотъ былъ еще во времена языческихъ гоненій на христіанъ.—Ясно, что ученіе Толстого совершенно противорѣчитъ ученію христіанскому, какъ противорѣчитъ ему анархизмъ вообще.

Крайнимъ выводомъ анархизма Толстой остается вѣрнымъ и въ своихъ сужденіяхъ о *государствѣ*. Государство, по его мнѣнію, совершенно не нужно, потому что нѣтъ въ немъ никому никакой надобности. Теперь, говоритъ онъ ²⁾, вѣдь нѣтъ такихъ злыхъ людей, отъ насилія и нападенія которыхъ спасаетъ государство и его войско, а всѣ люди нашего времени не употребляютъ и не носятъ оружія и всѣ, исповѣдуя правила человеколюбія, состраданіе къ ближнимъ, желаютъ того же, что и мы,—только возможности спокойной и мирной жизни. Такъ что теперь уже нѣтъ тѣхъ особенныхъ насильниковъ, отъ которыхъ государство могло бы защищать насъ... Теперь скорѣе можно сказать обратное: именно то, что дѣятельность правительствъ съ своими отставшими отъ общаго уровня нравственности жестокими приемами наказаній, тюремъ, каторгъ, висѣлицъ, гильотинъ,—скорѣе содѣйствуетъ огрубѣнію народовъ, чѣмъ смягченію ихъ, и потому скорѣе увеличенію, чѣмъ уменьшенію числа насильниковъ. Нужно ли опровергать эти доводы и разоблачать ихъ ложь?—Теперь, видите ли, нѣтъ злыхъ людей; теперь уже нѣтъ насильниковъ; *всѣ* люди нашего времени уже не употребляютъ оружія; *всѣ* исповѣдуютъ правила человеколюбія и состраданіе къ ближнимъ... Какое, подумаешь, счастливое время! Мечи передѣланы на орала! Кто же это выдумываетъ басни объ извергахъ, убившихъ семейства Петровыхъ и Арцымовичей? Зачѣмъ это жетъ телеграфъ о томъ, будто человеколюбивые и сострадательные люди разрывными снарядами взрываютъ на воздухъ театры, трактиры, парламенты, церкви и дома ни въ чемъ неповинныхъ и мирныхъ гражданъ? Правда, Толстой не признаетъ преступниковъ преступниками, потому что онъ усвоилъ отъ детерминистовъ совершенно ложное ученіе, будто бы въ пре-

¹⁾ Гусевъ. Основныя религіозныя начала графа Л. Толстого. Казань. 1893. Стр. 269.

²⁾ Ч. I. стр. 261.

ступленіи виновенъ не самъ преступникъ, а общество, среди котораго преступникъ живетъ; но вѣдь и это ложное ученіе не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы отвергать самый фактъ существованія преступниковъ и преступленій. А что сказать о внѣшнихъ врагахъ? Правда, по милости Божіей, въ настоящее время мы живемъ спокойно и каждый, пользуясь безопасностію, можетъ трудиться и развивать свою дѣятельность; враги внѣшніе не нападаютъ на насъ; не разоряютъ нашихъ полей и нашихъ фабрикъ; солдаты въ рабочее время увольняются правительствомъ на полевая работы, убираютъ хлѣбъ обильнаго урожая, въ весеннее время геройски спасаютъ населеніе отъ бѣдствій наводненія. Но почему мы живемъ спокойно и внѣшніе враги не нападаютъ на насъ? — Благодаря только мудрости и твердости нашего Государя Императора и могуществу нашего государства, — только потому, что они боятся насъ, зная силу и храбрость нашей прекрасной арміи. Но что было бы съ нами, еслибы наше государство не было такимъ могущественнымъ, каково оно теперь, — легко можетъ представить каждый. И къ славѣ нашего отечества нужно сказать, что, по свидѣтельству исторіи, наше правительство пользовалось всегда своимъ могуществомъ не только для пользы своихъ подданныхъ, но и для пользы другихъ народовъ: грековъ, сербовъ, болгаръ, черногорцевъ, австрійцевъ, прусаковъ и французовъ. Все сужденіе Толстого можно выразить кратко въ слѣдующемъ софизмѣ: „государство излишне, потому что, благодаря только могуществу нашего государства, мы живемъ спокойно“. Явный абсурдъ!

Далѣе, по мнѣнію Толстого, государство не нужно и для развитія внутренней жизни народа: для учрежденій воспитательныхъ, образовательныхъ, религіозныхъ, путесообщительныхъ и др. Въ видѣ основанія для этого мнѣнія Толстой говоритъ ¹⁾ слѣдующее: „Широко развитыя средства общенія и передачи мыслей сдѣлали то, что для образованія обществъ, собраній, корпорацій, конгресовъ, ученыхъ, экономическихъ, *политическихъ* ^(?) учрежденій, люди нашего времени не только вполне

¹⁾ Ч. 1, стр. 263.

могутъ обходиться безъ правительствъ, но что правительства въ большей части случаевъ скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ въ достиженіи этихъ цѣлей“. Какое странное разсужденіе! Да кто же, какъ не правительства, создалъ, создаетъ, развиваетъ, улучшаетъ, управляетъ и завѣдуетъ этими „широко развившимися средствами общенія и передачи мыслей“? Или они развились сами собой? Такимъ образомъ, по разсужденію Толстого, выходитъ, что нужны одни жолуди, а дубовъ, на которыхъ они только и растутъ, не надо; собери яблоки, а яблонь срубь, — она больше не нужна! Пусть существуютъ желѣзные дороги безъ машинистовъ и кондукторовъ; пусть поѣзда ходятъ безъ опредѣленія сроковъ ихъ прихода и отхода. Пусть телеграфы существуютъ сами собою, безъ телеграфистовъ! Пусть образуются какія то *политическія* учрежденія безъ учредителей и управителей!

Да не подумаетъ читатель, что Толстой останется по крайней мѣрѣ на этихъ положеніяхъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и отъ указаній на *благоутвержденное* значеніе „широко развившихся средствъ общенія и передачи мыслей“, дѣлающихъ излишнимъ самое существованіе правительствъ, переходитъ къ указанію самаго *вреднаго* (съ его точки зрѣнія) значенія тѣхъ же самыхъ „широко развившихся средствъ общенія и передачи мыслей“, потому что, благодаря именно этимъ средствамъ, правительство твердо сидитъ на своемъ мѣстѣ и никогда никѣмъ не можетъ быть низвергнуто. Вотъ что именно онъ говоритъ объ этихъ „средствахъ общенія и передачи мыслей“ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾: „Желѣзные дороги, телеграфы, телефоны, фотографія и многія другія новѣйшія изобрѣтенія, которыми передъ другими пользуются правительства, даютъ имъ такую силу, что если только разъ власть попала въ извѣстныя руки и полиція явная и тайная, и администрація и всякаго рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работаютъ, нѣтъ никакой возможности свергнуть правительство, какъ-бы оно ни было безумно и жестоко“. И такъ чему же вѣрить?

¹⁾ Ч. I. стр. 281.

Второе средство, которымъ правительство поддерживаетъ себя, есть *подкупъ*, подъ которымъ Толстой разумѣетъ жалованье чиновникамъ. „Отобравъ отъ трудового рабочаго народа посредствомъ денежныхъ податей его богатства“,—говоритъ Толстой ¹⁾,—правительство старается „распредѣлить эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознагражденіе поддерживать и усиливать порабощеніе народа“. Какое нечестное извращеніе фактовъ, жизни. Толстому, конечно, извѣстно, что коронная служба по недостаткамъ государственной казны крайне бѣдно вознаграждаетъ служащихъ. Столоначальникъ любого казеннаго учрежденія получаетъ жалованья 700 р., а бухгалтеръ частнаго банка, иногда не имѣющій никакого образовательнаго ценза, получаетъ не менѣе 3000 рублей. Прикащикъ въ хорошемъ магазинѣ, управляющій хорошею фабрикою или имѣніемъ получаютъ больше любого министра! И это Толстой называетъ *подкупомъ* со стороны правительства!

Третье средство для поддержанія государства Толстой „не умѣетъ назвать иначе, какъ гипнотизаціей (усыпленіемъ?) народа ²⁾“. Сюда входятъ „государственная религія, обученіе дѣтей бессмысленнымъ кощунствамъ церковныхъ катехизисовъ, съ указаніемъ необходимости повиновенія властямъ, обученіе *дикому суевѣрью патриотизма*, устройство на собранныя съ народа средства храмовъ, процессій, памятниковъ, празднествъ, съ помощію живописи, архитектуры, музыки, благовоній, одуряющихъ народъ (?!), а главное—*содержаніе такъ называемаго духовенства* (!?), обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы своими представленіями (!), пафосомъ службъ, проповѣдей, своимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь людей—при родахъ, при бракахъ, при смертяхъ—отуманивать людей и держать ихъ въ „постоянномъ состояніи одуренія“. Далѣе Толстой ведетъ рѣчь о табакѣ, водкѣ, театрахъ, цензурѣ и т. д.

Въ виду этого разсужденія Толстого, мы просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Въ 1884 году, какъ мы указывали уже, Толстой гово-

1) Ч. I. стр. 282.

2) Ч. I. стр. 282.

риль: „Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, только не на церковныхъ началахъ. Государственныя учрежденія прямо игнорируютъ церковь; мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна“ ¹⁾. Какое же мнѣніе Толстого справедливо?

2) Высшій размѣръ „содержанія такъ называемаго духовенства“ получаемаго отъ казны простирается: для священника до 140 р., для псаломщика—до 36 рублей въ годъ (для діаконовъ жалованья нѣтъ). И неужели кто либо повѣритъ, что за это вознагражденіе можно *подкупить* духовенство „отуманивать людей и держать ихъ въ постоянномъ состояніи одуренія“? А между тѣмъ, по словамъ Толстого, этотъ *подкупъ* духовенства есть *главное* средство поддержанія правительства!.. Правда, у духовенства есть еще *доходы* отъ требоисправлений; но эти доходы идутъ не отъ правительства; они находятся въ рукахъ народа и потому представляютъ самую лучшую гарантію за то, что наше духовенство никогда и ничѣмъ не отклонится отъ ученія Христова.

3) Не всякое христіанское вѣроисповѣданіе оказываетъ поддержку правительству. Католицизмъ самъ ищетъ свѣтской власти и потому естественно всегда будетъ находиться даже въ борьбѣ съ представителями власти государственной. Протестантство, какъ скрытый раціонализмъ, породившій всѣ раціоналистическія міровоззрѣнія, смотря по обстоятельствамъ, столько же можетъ содѣйствовать усилению правительственной власти, сколько и ослабленію ея. Въ сегоднѣшнихъ, порожденныхъ протестантствомъ (даже въ шундизмѣ), можетъ найти для себя оправданіе и ученіе Толстого. Только истинно—христіанское ученіе, хранимое неизмѣнно Православною Церковію, есть истинная опора Богомъ установленной власти и основаннаго на ней устройства государственной жизни. Даже враждебное отношеніе государства къ Православной Церкви не измѣняетъ ея благотворнаго вліянія на развитіе государственной жизни. Въ Турціи Православная церковь такъ же учитъ чадъ своихъ

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? Женевское изданіе, стр. 197.

повиноваться власти и законамъ, какъ и у насъ въ Россіи. Могущество Русскаго государства, какъ свидѣтельствуесть исторія, сложилось благодаря вліянію Православной Церкви. Св. митрополитъ Филиппъ II обличалъ Іоанна Грознаго; св. Митрофанъ Воронежскій—Петра Великаго. Но въ ихъ обличеніяхъ нужно видѣть не возстаніе противъ царской власти, а—любовь къ ней, подвигъ пастырей Православной Церкви для блага государства.

Четвертое средство для поддержанія государственной власти „состоитъ,—говоритъ Толстой ¹⁾),—въ томъ, чтобы посредствомъ трехъ предшествующихъ средствъ выдѣлить изъ всѣхъ такимъ образомъ закованныхъ и одуренныхъ людей еще нѣкоторую часть людей для того, чтобы, подвергнувъ этихъ людей особеннымъ, усиленнымъ способомъ одуренія и озвѣренія, сдѣлать изъ нихъ безвольныя орудія всѣхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя понадобятся правительству“. Это Толстой говоритъ о нашей славной арміи. Дѣйствительно, войско составляетъ опору государственной власти, но только тогда, когда оно выполняетъ свое назначеніе, остается вѣрнымъ данной *присягѣ*, сознательно уважаетъ и заботливо охраняетъ военную дисциплину, Толстой знаетъ это прекрасно; вотъ почему онъ направляетъ всѣ свои усилія и не пренебрегаетъ никакими средствами для того, чтобы уничтожить *присугу* и представить военную службу недостойною не только христіанина, но и человѣка. Но мы уже выше раскрыли всю недобросовѣтность приемовъ Толстого, равно какъ указали и на то, какъ истинное христіанство учитъ о военной службѣ и какъ оно относится къ ней. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что въ этомъ отношеніи ученіе Толстого уже пользуется нѣкоторыми немаловажными успѣхами. Намъ приходилось встрѣчать людей, состоящихъ на военной службѣ, которые съ жаромъ защищали лжеученіе Толстого во всѣхъ его частяхъ ²⁾. Но среди крестьянъ дѣло находится еще въ худ-

¹⁾ Ч. I. стр. 284.

²⁾ Вотъ что, между прочимъ, говорятъ и самъ Толстой (Ч. II. стр. 86—87): „Военные люди высшихъ чиновъ вмѣсто того, чтобы поощрять грубость и жестокость воиновъ, необходимыя для ихъ дѣла, сами распространяютъ между военнымъ сословіемъ образованіе (?), проповѣдуютъ гуманность (?) и часто сами даже раздѣляютъ социалистическія убѣжденія массъ и отрицаютъ войну. Въ послѣднихъ заговорахъ противъ русскаго правительства многіе изъ замѣшанныхъ

шемъ положеніи, принимая чисто практическій характеръ. Мы знаемъ одно село, въ которомъ до 200 человекъ—крестьянъ уже практически осуществляютъ въ своей жизни ученіе Толстого въ его грубомъ анархически-нигилистическомъ видѣ. Изъ этихъ крестьянъ двое отказались поступить въ военную службу. Ихъ присудили къ двухлѣтнему заключенію въ острогъ. Отбывъ это наказаніе, они съ торжествомъ возвратились въ свое село и стали проповѣдывать всѣмъ односельчанамъ, насколько *выгоднѣе* и *удобнѣе* отсидѣть два года въ острогѣ, чѣмъ пробыть шесть лѣтъ въ военной службѣ. По ихъ словамъ, въ острогѣ имъ жилось *лучше*, чѣмъ даже дома: они ничего не дѣлали, не платили податей, не исполняли никакихъ общественныхъ обязанностей, кормили ихъ прекрасно, къ праздникамъ купцы присылали много булокъ, колбасъ, пасокъ, яицъ, въ храмовой праздникъ въ церкви острога служилъ даже архіерей; губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда и члены тюремнаго комитета часто посѣщали ихъ, освѣдомляясь, не испытываютъ ли они какихъ либо притѣсненій и неудобствъ и т. д. Конечно, съ крестьянской точки зрѣнія такая жизнь можетъ быть даже завидною. Но если такъ дѣло пойдетъ и далѣе, то не придется ли въ самомъ дѣлѣ военныя казармы обращать въ мѣста заключенія для лицъ, отказывающихся отъ военной службы?.. Впрочемъ, этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ не критикою и не философіею...

Приведенными средствами государство однако-же, по словамъ Толстого, достигаетъ какъ разъ противоположнаго тому, къ чему стремится. Оно разрушаетъ само себя. „Жизнь, построенная на началѣ насилія,—говоритъ онъ¹⁾,—дошла до отрицанія тѣхъ самыхъ основъ, во имя которыхъ она была учреждена. Устройство общества на началахъ насилія, имѣвшее цѣлью обезпеченіе блага личнаго, семейнаго и общественнаго, привело людей къ полному отрицанію и уничтоженію этихъ благъ“. Разложеніе государства будто-бы уже началось. Признаки этого

были военные. И такихъ военныхъ заговорщиковъ становится все больше и больше. И очень часто случается, какъ это было на дняхъ, что призванные для усмиренія жителей военные отказываются стрѣлять по нимъ. Военное молодецтво прямо осуждается самими военными и часто служить предметомъ насмѣшекъ“.

1) Ч. I, стр. 302.

разложенія (будто-бы) очевидны для всѣхъ. У правительства скоро не будетъ чиновниковъ. „Не говоря уже о явно презираемыхъ должностяхъ и положеніяхъ,—говоритъ Толстой ¹⁾, въ родѣ: шпионовъ, агентовъ тайной полиціи, ростовщиковъ (?), кабатчиковъ (!!); большое количество положеній насильниковъ, считавшихся прежде почетными, въ родѣ полицейскихъ, придворныхъ, судейскихъ, административныхъ, духовныхъ, военныхъ, откупщицкихъ (!), банкирскихъ (!), не только не считается всѣми желательнымъ, но уже осуждается *известнымъ* (?), наиболѣе *уважаемымъ* кругомъ людей (толстовцев?). Есть уже *люди* (?), которые добровольно отказываются отъ этихъ прежде считавшихся *безукоризненными* положеній (ростовщиковъ, кабатчиковъ, откупщиковъ?) и предпочитаютъ имъ менѣе выгодныя, но не связанныя съ насиліемъ положенія“. Если повѣрить словамъ Толстого, то положеніе государства представляется ужаснымъ. Но кто же повѣритъ тому, что онъ говоритъ? Вѣдь все это онъ насаждалъ только для того, чтобы какъ можно мрачнѣе представить то, что ему хочется видѣть мрачнымъ, но что въ дѣйствительности вовсе не таково. Въ дѣйствительности желающихъ служить на государственной службѣ такъ много, что государство положительно не знаетъ, что съ ними дѣлать. Образовалось даже довольно *странное* положеніе, о которомъ въ прежнее время было неслышно,—положеніе *кандидатовъ* на судебныя, полицейскія и другія должности. Молодые люди, получившіе высшее университетское образованіе, служатъ нѣсколько лѣтъ безъ всякаго вознагражденія, питаются лишь одною надеждою занять штатную должность въ будущемъ, и затѣмъ получаютъ мѣста, которыя прежде занимали люди малограмотные... Не успѣетъ освободиться какое-либо незavidное мѣстечко, прошенія о занятіи его поступаютъ десятками въ первый день. Обращаются къ *протекціямъ*, ходатайствамъ вліятельныхъ лицъ, даютъ обѣщанія, принимаютъ всевозможныя условія, лишь бы поступить на государственную службу... А Толстой увѣряетъ своихъ читателей, что государству никто служить не хочетъ...

1) Ч. II, стр. 83.

Дальнѣйшіе признаки разложенія государственной жизни Толстой усматриваетъ ¹⁾ въ томъ, „что кругъ людей, изъ котораго отбираются слуги правительства и богатые люди, становится все меньше и меньше, и низменнѣе, сами люди эти уже не приписываютъ тѣмъ положеніямъ, которыя они занимаютъ, прежняго значенія и часто, стыдясь ихъ въ ущербъ тому дѣлу, которому они служатъ, не исполняютъ того, что они по своему положенію призваны дѣлать“. Что говоритъ Толстой о военныхъ, мы уже привели выше (въ подстрочномъ примѣчаніи). Теперь приведемъ его дальнѣйшее разсужденіе ²⁾: „Судьи, обязанные судить и приговаривать преступниковъ, ведутъ засѣданія такъ, чтобы оправдать ихъ... То же и съ прокурорами, которые часто отказываются отъ обвиненій и даже вмѣсто обвиненій, обходя законъ (?), защищаютъ тѣхъ, кого они должны обвинять. Ученые юристы (адвокаты?), обязанные (?) оправдывать насиліе власти, все болѣе и болѣе отрицаютъ право наказанія и вводятъ на мѣсто его теоріи невмѣняемости и даже не исправленія, а лѣченія тѣхъ, которыхъ называютъ преступниками. Тюремщики и начальники каторжниковъ болѣею частью дѣлаются защитниками тѣхъ, кого они должны мучить. Жандармы и сыщики постоянно спасаютъ тѣхъ, кого они должны губить. Духовныя лица проповѣдуютъ терпимость, иногда даже отрицаніе насилія, и болѣе образованные изъ нихъ стараются въ своихъ проповѣдяхъ обходить ту самую ложь (?), которая составляетъ весь смыслъ ихъ положенія и которую они призваны проповѣдывать. Палачи отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей, такъ что въ Россіи смертные приговоры часто не могутъ приводиться въ исполненіе за отсутствіемъ палачей, такъ какъ охотниковъ поступать въ палачи, не смотря на всѣ выгоды, представляемые этимъ людямъ, выбираемымъ изъ каторжниковъ, становится все меньше и меньше. Губернаторы, исправники, становые, сборщики податей, мытари часто, жалѣя народъ, стараются найти предлоги для несобирания съ народа податей. Богачи не рѣшаются пользоваться своимъ богатствомъ только для себя, а распредѣляютъ его на общественныя дѣла. Земле-

¹⁾ Ч. II, стр. 86.

²⁾ Ч. II, стр. 87.

владѣльцы устраиваютъ на своихъ земляхъ больницы, школы, а нѣкоторые изъ нихъ даже отказываются отъ владѣнія землей и передаютъ ее земледѣльцамъ или устраиваютъ на ней общины. Заводчики и фабриканты устраиваютъ больницы, училища, кассы, пенсіи, жилища для рабочихъ; нѣкоторые учреждаютъ товарищества, въ которыхъ сами становятся равными съ другими участниками. Капиталисты отдаютъ часть своихъ капиталовъ на общественныя, образовательныя, художественныя, филантропическія учрежденія. Не въ силахъ разстаться съ своими богатствами при жизни, многіе изъ нихъ послѣ смерти по завѣщаніямъ всетаки отказываются отъ нихъ въ пользу общественныхъ учреждений“. Всѣ это явленія, по заключенію Толстого, суть несомнѣнные признаки того, что государственная жизнь сама собою разрушается и что въ скоромъ времени она должна неминуемо погибнуть.

Что факты искажены и заключеніе Толстого ложно, — это едва ли нужно доказывать. Въ самомъ дѣлѣ, кто же можетъ мыслить такимъ образомъ: богачи отдаютъ свои деньги бѣднякамъ; слѣдовательно, они разрушаютъ государство? Тысячу лѣтъ существуетъ русское государство и все это время русскіе люди отличались особенною любовію къ страждущимъ, незлобіемъ, прощеніемъ обидъ, радушіемъ; не прокуроры только и судьи, а сами цари любили посѣщать тюрьмы и облегчать участь заключенныхъ, — и все-таки не разрушили этимъ своего государства. О снисходительности властей къ преступникамъ съ задними мыслями мы предоставляемъ судить тѣмъ самымъ лицамъ, которыхъ Толстой въ этомъ обвиняетъ. Насколько ложно и противорѣчиво изображаетъ Толстой дѣйствительную жизнь настоящаго времени, можно видѣть съ особенною ясностію изъ нижеслѣдующей параллели, въ которой мы приводимъ сужденія его объ однихъ и тѣхъ же предметахъ изъ одной и той же 2-й части разбираемаго сочиненія:

Ч. II, стр. 87.

„Прокуроры часто отказываются отъ обвиненій и даже вмѣсто обвиненій, обходя законъ, защи-

Ч. II, стр. 189.

„Прокуроръ знаетъ, что по его приговору или рѣшенію сидятъ сей часъ сотни, тысячи оторван-

щаютъ тѣхъ, кого они должны обвинять. Ученые юристы, обязанные оправдывать насиліе власти, все болѣе и болѣе отрицаютъ право наказанія и вводятъ на мѣсто его теоріи невмѣняемости и даже не исправленія, а глѣченія тѣхъ, которыхъ называютъ преступниками“.

Ч. II, стр. 88.

„Богачи не рѣшаются пользоваться своимъ богатствомъ только для себя, а распределяютъ его на общественныя дѣла... Заводчики и фабриканты устраиваютъ больницы, училища, кассы, пенсіи, жилища для рабочихъ; нѣкоторые учреждаютъ товарищества, въ которыхъ сами становятся равными съ другими участниками. Капиталисты отдаютъ часть своихъ капиталовъ на общественныя, образовательныя, художественныя, филантропическія учрежденія“.

Ч. II, стр. 88.

„Землевладѣльцы устраиваютъ на своихъ земляхъ больницы, шко-

ныхъ отъ семей несчастныхъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, на которахъ, сходя съ ума и убивая себя стекломъ, голодомъ; знаетъ... и увѣренъ, что онъ дѣлаетъ полезное общественное дѣло“...

Ч. II, стр. 190.

„Живутъ всѣ эти люди и тѣ, которые кормятся около нихъ, ихъ жены, учителя, дѣти, повара, актеры, жокеи, и т. п., живутъ той кровью, которая тѣмъ или другимъ способомъ, тѣми или другими пивками высасывается изъ рабочаго народа, живутъ такъ, поглощая каждый ежедневно для своихъ удовольствій сотни и тысячи рабочихъ дней замученныхъ рабочихъ, принужденныхъ къ работѣ угрозами убійствъ (?), видятъ лишенія и страданія этихъ рабочихъ, ихъ дѣтей, стариковъ, женъ, больныхъ, знаютъ про тѣ казни, которымъ подвергаются нарушители этого установленнаго грабежа и не только не уменьшаютъ свою роскошь, не скрываютъ ее, но нагло выставляютъ передъ этими угнетенными, большею частію ненавидящими ихъ рабочими, какъ бы нарочно дразня ихъ, свои парки, дворцы, театры, охоты, скачки“.

Ч. II, стр. 184.

„Землевладѣлецъ за право, предоставляемое имъ людямъ, жи-

лы, а нѣкоторые изъ нихъ даже отказываются отъ владѣнія землей и передаютъ ее земледѣльцамъ или устраиваютъ на ней общины“ и т. д.

вущимъ на его землѣ, кормиться съ нея, сдираетъ съ этихъ болѣею частію голодныхъ людей все, что только онъ можетъ содрать съ нихъ. Право собственности на землѣ этого челоуѣка основывается на томъ, что при каждой попыткѣ угнетенныхъ людей, безъ его согласія воспользоваться землями, которыя онъ считаетъ своими, приходятъ войска и подвергаютъ людей, захватывающихъ эти земли, истязаніямъ и убійствамъ“.

Подобныхъ противорѣчій въ послѣднемъ сочиненіи Толстого такъ много и настолько они непримиримы между собою, что приходится только удивляться тому, какъ ихъ могъ высказывать одинъ и тотъ же писатель... Но такія же противорѣчивыя сужденія мы будемъ встрѣчать въ сочиненіи его и далѣе.

Указанныя Толстымъ явленія, которыя мы привели выше, убѣдили его въ томъ, что наше государство въ непродолжительномъ времени должно погибнуть, должно разрушить само себя. Послѣ этого,—о чемъ бы, кажется, хлопотать? Онъ желаетъ разрушенія государства; государство разрушается само собою; чего же еще?—Нѣтъ, онъ всетаки убѣждаетъ своихъ послѣдователей употреблять всѣ усилія, чтобы разрушить и само по себѣ уже разрушающееся государство; зачѣмъ?—чтобы ускорить наступленіе Царства Божія. Но какъ и чѣмъ можно разрушить государство? Вѣдь самъ Толстой утверждаетъ, что чрезъ одно существованіе „железныхъ дорогъ, телеграфа, телефоновъ, фотографіи“ и т. п. „нѣтъ никакой возможности свернуть правительство“, какъ бы оно ни было безумно и жестоко ¹⁾. Впрочемъ, не смотря на это категорическое утвержденіе, онъ все таки находитъ вѣрное средство не только для низложенія правительства, но и для разрушенія государства. Средство это—христіанство. „Христіанство въ его истинномъ

¹⁾ Ч. I. стр. 281—282.

значеніи,—говоритъ Толстой ¹⁾),—разрушаетъ государство. Такъ оно было понято и съ самаго начала, за то былъ и распятъ Христосъ“. Конечно, это—клевета на истинное христіанство, которое въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ своего существованія не разрушило ни одного государства, но только содѣйствовало усилю и процвѣтанію христіанскихъ государствъ; не вѣрно и то, что будто-бы за эту мнимую разрушительную силу христіанства былъ распятъ Христосъ. Но не нужно забывать, что подъ христіанствомъ *въ его истинномъ значеніи* Толстой разумѣетъ не то христіанское ученіе, которое содержится въ новозавѣтныхъ книгахъ Св. Писанія, а лишь свое собственное лжехристіанское ученіе. Въ этомъ смыслѣ онъ сказалъ правду. Его лжеученіе дѣйствительно не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ разрушенія государства во что-бы то ни стало.

Къ разрушенію государства Толстой возбуждаетъ своихъ послѣдователей уже давно, гораздо раньше написанія разбираемаго нами сочиненія; но прежде онъ не былъ такъ дерзокъ и откровененъ, какъ теперь. Вотъ почему его не понимали даже ближайшіе его послѣдователи и друзья. Проповѣдуемое имъ разрушеніе государства они представляли себѣ въ отдаленномъ будущемъ и чѣмъ-то утопическимъ. Соглашаясь въ принципѣ съ Толстымъ, они разсуждали, по свидѣтельству самаго Толстого ²⁾), такимъ образомъ: „Упраздненіе государственнаго насилія возможно и желательно бы было только тогда, когда бы всѣ люди были христіанами. До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, пока среди людей, только называющихся христіанами, есть люди нехристіане, люди злые, для своей личной похоти готовые нанести вредъ другимъ, упраздненіе государственной власти не только не было бы благомъ для остальныхъ людей, но только увеличило бы ихъ бѣдствія. Упраздненіе государственной формы жизни нежелательно не только тогда, когда будетъ малая часть истинныхъ христіанъ, но оно нежелательно даже тогда, когда всѣ будутъ христіанами, но въ средѣ ихъ или вокругъ ихъ, въ другихъ народахъ, останутся нехристіане, потому что нехристіане будутъ безнаказанно грабить, насиловать,

¹⁾ Ч. II. стр. 38.

²⁾ Ч. II. стр. 43.

убивать христіанъ и сдѣлають ихъ жизнь мучительною. Будеть только то, что злые будутъ безнаказанно властвовать надъ добрыми и насиловать ихъ. И потому государственная власть не должна быть упразднена до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ злые, хищные люди на свѣтѣ. А такъ какъ этого, если не никогда, то еще долго не можетъ быть, то не смотря на попытки освобожденія отдѣльных христіанъ отъ государственной власти, власть эта для большинства людей должна быть поддерживаема“. И многіе были убѣждены, что такъ думаетъ и самъ Толстой. Что-же?—Очень можетъ быть, что лѣтъ 10—15 тому назадъ, политическія чаянія его и не шли дальше этихъ утопическихъ мечтаній. Но теперь уже не то. Утопія теперь уже превратилась, какъ и нужно было ожидать, въ дѣйствительной анархизмъ. Теперь Толстой объявляетъ прямо, что ждать дольше ненадо, что нѣтъ надобности даже въ томъ, чтобы люди усвоили *истинное* христіанство; достаточно для разрушенія государства и того, чтобы въ этомъ духѣ составилось *общественное мнѣніе* (?). „Переходъ людей отъ одного устройства жизни къ другому,—говоритъ Толстой ¹⁾),—совершается не постоянно такъ, какъ пересыщается песокъ въ песочныхъ часахъ: песчинка за песчинкой отъ первой до послѣдней, а скорѣе такъ, какъ вливается вода въ опущенный въ воду сосудъ, который сначала только одной стороною медленно и равномерно впускаетъ въ себя воду, а потомъ отъ тяжести уже влившейся въ него воды вдругъ быстро погружается и почти сразу принимаетъ въ себя всю ту воду, которую онъ можетъ вмѣстить. Тоже происходитъ и съ обществами людей при переходѣ отъ одного пониманія, а потому и устройства жизни къ другому. Люди только сначала постепенно и равномерно одинъ за другимъ воспринимаютъ новую (?) истину внутреннимъ путемъ и слѣдуютъ ей въ жизни; при извѣстномъ же распространеніи истины она усваивается ими уже не внутреннимъ способомъ, не равномерно, а сразу почти невольнo“. При извѣстной степени распространенія истины, люди, стоящіе на низшей степени развитія, принимаютъ ее всѣ сразу по одному довѣрію къ тѣмъ, которые

¹⁾ Ч. II стр. 59.

привяли ее внутреннимъ способомъ и прилагають ее къ жизни“¹⁾. Такъ складывается „общественное мнѣніе“, которое именно и должно разрушить настоящую форму государственной жизни. Оно, говоритъ Толстой²⁾, „не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ тысячахъ лѣтъ, а имѣетъ свойство заразительно дѣйствовать на людей и съ большою быстротою охватывать большія количества людей“.

— Такое общественное мнѣніе, необходимое для разрушенія государства, по убѣжденію Толстого³⁾, уже сложилось и достаточно распространено. Здѣсь подъ общественнымъ мнѣніемъ онъ разумѣетъ не что иное, какъ распространеніе социалистическихъ и анархическихъ ученій, а въ томъ числѣ и его собственнаго лжеученія, увеличеніе легкомысленныхъ его разрушительными идеями, „толстовщиною“. По его мнѣнію⁴⁾, онъ уже достаточно убѣдилъ людей въ томъ, что не слѣдуетъ „кормить и содержать всѣхъ этихъ министровъ, генераловъ съ музыками, кавалеріями и барабанами, прокуроровъ, судей, сборщиковъ податей, духовенство, капиталистовъ и т. п. Дѣло остается только за разрушеніемъ государства. Но что же, спрашивается, будетъ учреждено на мѣсто разрушеннаго государства? Конституція? Республика?—Нѣтъ! Что-же? Тамъ видно будетъ! „Требованіе это (указать опредѣленно чѣмъ замѣнить разрушаемое государство),—говоритъ Толстой⁵⁾,—подобно тому, которое бы заявилъ изслѣдователь новыхъ странъ, потребовавъ подробное описаніе той страны, въ которую онъ вступаетъ. Если бы жизнь отдѣльнаго человѣка при переходѣ отъ одного возраста къ другому была бы вполне извѣстна ему, ему не зачѣмъ бы было жить. Тоже и съ жизнью человѣчества: еслибы у него была программа той жизни, которая ожидаетъ его при вступленіи въ новый возрастъ его, то это было бы самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что оно не живетъ, не движется, а толчется на мѣстѣ. Условія новаго строя жизни не

¹⁾ Ч. II. стр. 60 и дал.

²⁾ Ч. II. стр. 63.

³⁾ Ч. II. стр. 82 и слѣд.

⁴⁾ Ч. II. стр. 92 и слѣд.

⁵⁾ Ч. II. стр. 78.

могутъ быть извѣстны намъ, потому что они должны быть выполнены нами же“.

Какъ же опредѣлить то, когда наступитъ моментъ для окончательнаго разрушенія существующаго государственнаго устройства? „Когда же это будетъ?“ спрашиваетъ Толстой самого себя и отвѣчаетъ ¹⁾ такъ: „1800 лѣтъ назадъ на вопросъ *этотъ* (?) Христосъ отвѣтилъ тѣмъ, что конецъ нынѣшняго вѣка, т. е., языческаго устройства міра, наступитъ тогда, когда (Мѣ. XXIV, 3—28) увеличатся до послѣдней степени бѣдствія людей и вмѣстѣ съ тѣмъ благая вѣсть Царства Божія, т. е., возможность новаго, ненасильческаго устройства жизни, будетъ проповѣдано по всей землѣ. О днѣ же и часѣ томъ никто не знаетъ только Отецъ Мой одинъ (Мѣ. XXIV, 36), тутъ же говоритъ Христосъ. Ибо оно можетъ наступить всегда, всякую минуту и тогда, когда мы не ожидаемъ его. На вопросъ о томъ, когда наступитъ этотъ часъ, Христосъ говоритъ, что знать этого мы не можемъ, но именно потому, что мы не можемъ знать времени наступленія этого часа, мы не только должны быть всегда готовы къ встрѣчѣ его, какъ долженъ быть всегда готовъ хозяинъ, стрегущій домъ, какъ должны быть всегда готовы съ свѣтильниками встрѣчающіе жениха, но и должны *работать изъ всѣхъ данныхъ намъ силъ для наступленія этого часа*, какъ должны были работать работники на данные имъ таланты (Мѣ. XXIV, 43, XXV, 1—13, 14—30). На вопросъ, когда наступитъ этотъ часъ, *Христосъ увѣщаетъ людей всѣми своими силами работать для скорѣйшаго наступленія его*. И другаго отвѣта не можетъ быть. Знать то, когда наступитъ день и часъ Царства Божія, люди никакъ не могутъ, потому что *наступленіе этого часа ни отъ кого другого не зависитъ, какъ отъ самихъ людей*. Отвѣтъ тотъ же, какъ отвѣтъ того мудреца, который на вопросъ прохожаго: далеко ли до города, отвѣчалъ: иди! Какъ мы можемъ знать, далеко ли до той цѣли, къ которой приближается человѣчество, когда мы не знаемъ, какъ *будетъ подвигаться къ этой цѣли* человѣчество, отъ котораго зависитъ идти или не идти, остановиться, умѣрить свое

¹⁾ Ч. П. стр. 99.

движеніе, или усилить его. Все, что мы можемъ знать, это—то, что мы, составляющіе человѣчество, должны дѣлать и чего должны не дѣлать для того, чтобы наступило *это* Царство Божіе. А это мы все знаемъ. *И стоитъ только каждому начать дѣлать* то, что мы должны дѣлать, и перестать дѣлать то, что мы не должны дѣлать, стоитъ только каждому изъ насъ жить всею тѣмъ свѣтомъ, который есть въ насъ, для того, чтобы *тогда* наступило то обѣщанное Царство Божіе, къ которому влечется сердце каждаго человѣка“.

Итакъ,—вотъ кто такой графъ Л. Н. Толстой, котораго до сихъ поръ недалновидные русскіе люди считали лишь поэтомъ, безвреднымъ мечтателемъ, утопистомъ, мистикомъ, а нѣкоторые—даже мыслителемъ и философомъ! Вотъ только когда онъ откровенно сказалъ, *въ чемъ* дѣйствительно состоитъ его *вера* и какова она! Только теперь мы имѣемъ возможность читать его дѣйствительную *исповѣдь*! Только теперь знаемъ, что такое у Толстого его *истинное* христіанство! Вотъ къ чему вели все его философскія и богословскія разсужденія о непротивленіи злему, о нагорной проповѣди! До сихъ поръ мы думали только, что Толстой выдумалъ для русской интеллигенціи новую забаву— „игру въ мужички“! Мы наивно воображали, что все выходки Толстого ограничатся тѣмъ, чтобы, отказавшись отъ Православной вѣры, покошонствовалъ надъ Православною Церковію и обругавъ духовенство, надѣть блузу, натянуть крестьянскіе сапоги, взяться за плугъ, кладку печей или починку сапогъ на удивленіе міру... Мы думали только, что все кончится улыбкою крестьянина и словами его: „баринъ началъ чудить“; но Толстой вызываетъ уже крестьянина *на дѣло* и даетъ ясно понять ему, что за *это дѣло* пора приниматься... Вотъ какъ глубоко мы ошибались!

Кратко и ясно изложенное ученіе Толстого таково.— Государство стѣсняетъ жизнь, свободу и дѣятельность дурныхъ людей (т. е. запрещаетъ красть, грабить, насиловать, убивать, безъ позволенія хозяевъ захватывать чужія земли и капиталы; охраняетъ права и трудъ каждаго; заставляетъ приносить жертвы въ пользу другихъ; поэтому людямъ жаднымъ до чужой собственности, лѣнтяямъ, пьяницамъ, беззаботнымъ жить трудно). Чтобы облегчить жизнь этихъ людей, нужно уничтожить госу-

дарство. Разрушеніе государства не должно быть дѣломъ людей ученыхъ, разумныхъ, просвѣщенныхъ, мыслящихъ и убѣжденныхъ. Это только государство въ своихъ видахъ заботится о народномъ просвѣщеніи, о наукѣ и школахъ. Для дѣла, которому служить Толстой, наука самый опасный врагъ; поэтому ему наука не нужна; ему нужно только *общественное мнѣніе*, „вѣянія“, безмысленное увлеченіе толпы. Только невѣжественная толпа, наэлектризованная бунтарскими идеями яснополянскаго лжепророка, можетъ разрушить государственную форму жизни человѣческой. Послѣ разрушенія государства не нужно думать ни о какомъ другомъ устройствѣ жизни; не нужно никакой власти, никакихъ законовъ, никакихъ установленій: пусть каждый живетъ себѣ, какъ хочетъ. И тогда наступитъ „царство Божіе“, проповѣдуемое Толстымъ: воръ будетъ безнаказанно красть, разбойнику никто не помѣшаетъ убивать, люди будутъ истреблять другъ друга, что и составляетъ послѣднюю судьбу человѣчества... Кто внимательно изучилъ сочиненія Толстого за послѣднее десятилѣтіе, тотъ знаетъ, что мы не искажаемъ ученія его, а только излагаемъ, какъ оно есть, безъ всякихъ пантеистическихъ прикрасъ, которыми самъ Толстой его нѣсколько огуманиваетъ. Написавъ разбираемое нами сочиненіе, Толстой прервалъ всякую связь не только съ христіанствомъ, но и съ философіею. Онъ болѣе не философъ, хотя нѣкогда и думалъ выдавать себя за такового. Онъ анархистъ, и его анархизмъ выражается въ самой грубой и крайней формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли серьезный мыслитель сказать, что познаніе истины необходимо не для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ людей—вожаковъ толпы?—что громадное большинство людей должно жить только „общественнымъ мнѣніемъ“, т. е., неосмысленными „вѣяніями“? Это могъ сказать только завзятый анархистъ, для котораго чѣмъ глупѣе толпа, тѣмъ лучше, потому что такую толпу ему кажется болѣе легкимъ вести за собою куда угодно: она не знаетъ, что дѣлаетъ и что будетъ дѣлать... Какъ можетъ человѣкъ здравомыслящій убѣждать такую толпу начать разрушеніе существующаго государства, не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, чѣмъ бы можно было замѣнить разрушеніе? Для изясненія своего ученія Тол-

стой указывает на изслѣдователя новыхъ странъ, который напередъ не требуетъ подробнаго описанія той страны, въ которую онъ вступаетъ. Но примѣръ этотъ ничего не объясняетъ. Приводя его, Толстой, очевидно, намѣренно подтасовываетъ понятія. Познавать не то же, что жить. Изслѣдователь новыхъ странъ соберетъ нужныя ему свѣдѣнія о неизвѣстной землѣ и возвратится домой: его познанія ограничатся только дѣятельностью разсудка; разрушителямъ же государственной жизни пришлось бы познавать совершенное ими зло горькимъ опытомъ своей жизни; а это—иное дѣло! Для уясненія ученія Толстого мы приведемъ другой примѣръ. Толстой подобенъ домовладѣльцу, который, замѣтивъ въ своемъ домѣ нѣкоторыя неисправности въ печахъ, вмѣсто того, чтобы отремонтировать печи, рѣшился разрушить до основанія самый домъ, не имѣя возможности и желанія выстроить вмѣсто него новый и доказывая удивленнымъ прохожимъ, что подъ открытымъ небомъ на морозѣ ему будетъ теплѣе, чѣмъ въ домѣ, что, живя такимъ образомъ, онъ будетъ въ большей безопасности отъ злыхъ людей и хищныхъ звѣрей, чѣмъ когда онъ жилъ въ своемъ домѣ, снабженномъ крѣпкими запорами. Назоветь ли кто такого домовладѣльца здравомыслящимъ человѣкомъ? Не лучше ли было бы для него самого вмѣсто разрушенія дома исправить только печи? На землѣ нигдѣ нѣтъ полнаго совершенства. Много злоупотребленій совершается, конечно, и на обширномъ пространствѣ нашего государства. Злоупотребленія эти, безъ сомнѣнія, часто укрываются отъ правительства. Но укажите на нихъ правительству,—и оно озаботится ихъ уничтоженіемъ. Толстой возмущается поведеніемъ одного, какъ онъ говоритъ, „несчастливаго, полутяганаго, заблудшаго человѣка, называемаго губернаторомъ“ ¹⁾, любившаго сидѣть „у стола, уставленнаго бутылками, въ своемъ полувоенномъ мундирѣ“ ²⁾; злоупотребленія властію со стороны этого человѣка Толстой въ цѣлой картинѣ, разрисованной самими мрачными красками, представляетъ, какъ дѣйствія, „безусловно необходимыя для поддержанія существующаго по-

1) Ч. II, стр. 110.

2) Ч. II, стр. 118.

рядка". Но онъ поступилъ нечестно, намѣренно умолчавъ о томъ, какъ правительство справедливо наказало виновниковъ допущенныхъ злоупотребленій. Разказать объ этомъ Толстому было невыгодно, потому что тогда ему нельзя было бы говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ, какъ о дѣйствіяхъ, „безусловно необходимыхъ для поддержанія существующаго порядка“. Какъ ни враждебно вообще Толстой относится къ правительству; но во всемъ своемъ сочиненіи, при всемъ своемъ явномъ стараніи, онъ не могъ указать ни одного случая, когда бы правительство, зная о злоупотребленіяхъ, не употребило самыхъ энергичныхъ мѣръ къ ихъ пресѣченію. Напротивъ онъ нерѣдко даже дѣлаетъ правительству упрекъ за то, что оно искореняетъ преступленія и злоупотребленія въ государствѣ. Но если правительство постоянно заботится объ искорененіи всѣхъ замѣченныхъ злоупотребленій и правонарушеній, то это обстоятельство явно свидѣтельствуетъ о томъ, что корень этихъ злоупотребленій нужно искать не въ формѣ государственной жизни, какъ говоритъ Толстой, а въ злой волѣ и испорченности нравственной природы отдѣльныхъ лицъ. Ясно, чѣмъ разрушать домъ, благоразумнѣе поручить печнику исправить печи, если нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно плохо грѣютъ... Но дѣло здѣсь даже и не въ печахъ. Безумный Геростратъ сжегъ храмъ Діаны не потому, что этотъ храмъ былъ плохъ и не удовлетворялъ своему значенію, а исключительно только потому, что чрезъ такое уничтоженіе храма самъ Геростратъ хотѣлъ прославить себя, сдѣлать безсмертнымъ свое имя, чрезъ занесеніе его на страницы исторіи. Конечно, Геростратъ не былъ сумасшедшимъ въ собственномъ смыслѣ; но его душевное состояніе не было и нормальнымъ,—иначе онъ не сжегъ бы храма. Безъ сомнѣнія, онъ хорошо понималъ, какое безумное дѣло онъ предпринимаетъ, но онъ рѣшился все таки сдѣлать это зло, потому что тщеславіе, въ формѣ глориманіи (славолюбія), приняло такіе размѣры, что сдѣлало ненормальнымъ все его душевное состояніе, онъ самъ сталъ какъ бы сумасшедшимъ. Въ такомъ состояніи, къ прискорбію, не рѣдко оказываются люди, въ особенности богато одаренные отъ природы—поэты, композиторы, художники, актеры, переживающіе свою славу и къ концу жизни

не могущіе создать ничего подобнаго тому, что было создано ими во время полнаго развитія таланта. Слаловлюбіе затмѣваетъ ихъ разсудокъ и они нерѣдко стараются уже обезсмертить свое имя путемъ чисто *отрицательнаго* характера. Такимъ патологическимъ душевнымъ состояніемъ нужно объяснять себѣ и всю послѣднюю десятилѣтнюю дѣятельность Толстого—ея характеръ и направленіе. Но почему она выразилась именно въ формѣ крайняго анархизма? Отвѣтъ на этомъ вопросѣ дать легко. Самъ Толстой уже десять лѣтъ тому назадъ говорилъ о себѣ: „Я прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ, и, за исключеніемъ 14 и 15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова“¹⁾. Что же удивительнаго въ томъ, если этотъ нигилизмъ на старости лѣтъ принялъ форму анархизма? То же слѣдуетъ сказать и о *всѣхъ* безъ исключенія „послѣдователяхъ“ Толстого или—вѣрнѣе—„толстовцахъ“. Правда, увлекающихся идеями Толстого очень много какъ въ Россіи, такъ и за границей; но эти люди не могутъ быть названы *послѣдователями* Толстого въ собственномъ смыслѣ; они не могли увлечься внутреннимъ содержаніемъ его ученія, которое не даетъ ничего новаго и только повторяетъ то, что давнымъ давно было высказано пантеистами, позитивистами, коммунистами, социалистами, нигилистами и анархистами. Толстой вовсе не создалъ какой либо школы. Многіе „толстовцы“ были уже „толстовцами“ гораздо раньше, чѣмъ Толстой сталъ проповѣдывать свое анархическое ученіе. Они были нигилистами, невѣрующими, не христіанами съ тѣхъ поръ, какъ только стали помнить себя. Они нашли въ Толстомъ лишь своего пророка, выразителя своихъ давнихъ мыслей, желаній, стремленій и чаяній. Прочитавъ сочиненія Толстого, которыя явились въ послѣднее десятилѣтіе, они только сказали: „Да! Толстой говоритъ правду. Такъ и мы думаемъ!“ Толстой не сказалъ ничего новаго; но это нисколько не уменьшаетъ тѣхъ размѣровъ зла, которое для русскаго общества уже причинилъ Толстой; а что еще онъ сдѣлаетъ въ будущемъ, этого предвидѣть нельзя. Мы успокаиваемъ себя пріятнымъ предположеніемъ, будто бы разрушитель-

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? стр. 3.

ному движенію шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ положенъ конецъ; но безумное увлеченіе идеями Толстого, замѣчаемое въ русскомъ обществѣ, говоритъ вамъ не то. Нынѣшніе нигилисты и социалисты стали только хитрѣ своихъ предшественниковъ и заговорили на другомъ языкѣ, менѣ понятномъ для недалеконвидныхъ людей. Но волки остались волками и въ овечьей шерсти... О если бы истинно—русскіе православные люди не забывали наставленія своего Спасителя и Господа: „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“ (Матѣ. 7, 15)!

Въ Европѣ ученіе Толстого пользуется большою популярностію, но только такъ-же, какъ и у насъ—среди людей, враждебно относящихся къ существующему государственному устройству,—среди коммунистовъ, социалистовъ, нигилистовъ и анархистовъ. Изъ людей мыслящихъ лишь немногіе сочувственно высказались о міровоззрѣніи Толстого; это именно тѣ, которые сами ищутъ для себя популярности среди враждебныхъ правительству элементовъ. Но за то всѣ вообще серьезно-мыслящіе, научно-образованные и просвѣщенные люди говорятъ о Толстомъ, какъ о человѣкѣ, сбившемся съ своего истиннаго пути, безшабашномъ анархистѣ, неспособномъ къ здравому логическому мышленію и даже прямо, какъ о человѣкѣ душевно-больномъ. Въ заключеніе своего разбора сочиненія Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ мы находимъ умѣстнымъ познакомить своихъ читателей съ отзывомъ объ ученіи Толстого, высказаннымъ однимъ весьма даровитымъ и популярнымъ западно-европейскимъ писателемъ—*Максомъ Нордау*.

Еще до появленія въ свѣтъ сочиненія Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ *Максъ Нордау* написалъ свою книгу, въ настоящемъ году переведенную и на русскій языкъ.—„*Entartung*“ („Выврожденіе“). Эта книга пользуется во всей Западной Европѣ весьма большимъ успѣхомъ. Вотъ почему и мы останавливаемъ на ней вниманіе читателей. Въ этой книгѣ *Нордау* отводитъ для критическаго анализа ученія Толстого особую главу, которая надписана такъ: „*Толстоизмъ*“. Мы приведемъ изъ нея нѣсколько сужденій объ ученіи яснополянскаго лжепророка.

Вотъ что говоритъ Нордау: „Толстой думаетъ, что въ своихъ поискахъ смысла жизни онъ вернулся къ вѣрѣ народа; на самомъ же дѣлѣ, онъ проповѣдуетъ какъ разъ противное христіанской религіи—пантеизм“¹⁾. „Міровоззрѣніе Толстого—плодъ отчаянія, туманный и непонятный отвѣтъ на собственный вопросъ, простой наборъ словъ. Его мораль, которой онъ самъ придаетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ философіи, нисколько не лучше ея. Онъ излагаетъ ее въ пяти заповѣдяхъ... Но кажется нѣтъ надобности доказывать несостоятельность его нравственнаго ученія. Для здороваго ума она сама собою бросается въ глаза. Если убійца не пойдетъ на висѣлицу, если воръ потеряетъ страхъ передъ тюрьмою,—убійство и воровство сдѣлаются обычными явленіями, такъ какъ пріятнѣе ѣсть испеченный хлѣбъ и одѣвать готовые сапоги, чѣмъ ходить за плугомъ или сидѣть за верстакомъ. Кто будетъ заботиться о правосудіи, если общество прекратитъ свое существованіе? Кто удержитъ злыхъ людей отъ дурныхъ наклонностей, и кто отклонитъ другихъ отъ подражанія? Несомнѣнно—не ученіе Толстого что „жизнь есть жизнь въ настоящемъ“. Первою задачею обществитія, во имя чего отдѣльные люди сошлись въ общину, заключается въ защитѣ своихъ членовъ отъ больныхъ, одержимыхъ зудомъ убійствъ, отъ тунеядцевъ, отъ нездоровыхъ отклоненій отъ нормальнаго типа, стремящихся жить за счетъ труда другихъ, и устраняющихъ съ дороги всякое существо, мѣшающее имъ удовлетворять ихъ похоти. Особи съ противообщественными наклонностями сдѣлаются несомнѣнно большинствомъ, если здравые люди перестанутъ вести съ ними борьбу, не будутъ препятствовать ихъ размноженію; если же они останутся въ меньшинствѣ, тогда общество и человѣчество погибнутъ“.²⁾

„Въ Толстомъ, какъ во всякомъ выраждающемся высшаго порядка, живутъ два человѣка, и одинъ изъ нихъ замѣчаетъ странности другого и осуждаетъ ихъ. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ совершенно точное опредѣленіе теоріи (жизни) даетъ ея проповѣдникъ Позднышевъ, сознающійся, что „его считаютъ сумасшедшимъ“. Но въ другихъ своихъ произведеніяхъ, гдѣ Тол-

¹⁾ Вырожденіе. Кіевъ. 1894 г. стр. 89.

²⁾ „Вырожденіе“, стр. 90—91.

стой говорить отъ своего собственнаго имени, онъ развиваетъ то же ученіе“... „Возражать теоріи бросающей вызовъ всему, что выработано опытомъ, наблюденіями природы и исторически развивающимися учрежденіями и законами,—теоріи, сознательно ставящей себѣ цѣлью уничтоженіе человѣческаго рода,—нельзя. Мысль—выступить въ походъ противъ естественныхъ законовъ—можетъ придти въ голову только людямъ, болѣе или менѣе ненормальнымъ. Умственно здоровому человѣку достаточно выяснитъ, и онъ сразу пойметъ, что имѣетъ дѣло съ психозомъ“¹⁾.

„Самый большой врагъ Льва Толстого—наука. Въ своей „Исповѣди“ онъ осыпаетъ ее всевозможными обвиненіями и насмѣшками. Она не служитъ народу, а правящимъ классамъ и капиталистамъ. Она занята такими пустыми и праздными вопросами, какъ изслѣдованіе протоплазмы или спектральнаго анализа, и никогда не подумала о чемъ нибудь полезномъ, на примѣръ: „какъ сдѣлать хорошій топоръ, какъ испечь хлѣбъ, какая мука для этого лучше годится, какъ дѣлать дрожжи, какіе напитки и какая пища самые здоровые, какіе грибы полезнѣе“ и т. д... Какъ настоящій художникъ, онъ постарался претворить въ образы свои взгляды на науку и написалъ комедію: „Плоды просвѣщенія“. Но надъ чѣмъ онъ смѣется въ ней? Надъ тупоумными глухцами, вѣрящими въ духовъ, надъ одержимыми смертельнымъ страхомъ передъ бактеріями? Спиритизмъ и свѣдѣнія, почерпнутыя невѣжественными свѣтскими людьми изъ ежедневныхъ газетъ о заразительности микробовъ—вотъ что, по мнѣнію Толстого, наука, и противъ нея онъ направляетъ стрѣлы своей сатиры.—Настоящая наука не нуждается въ защитѣ отъ такихъ враговъ. Все доказательства, направленные противъ нея,—или доказательства чисто ребяческія, или просто нечестныя... Толстой говорить о наукѣ, какъ слѣпой о краскахъ. Онъ понятія не имѣетъ о сущности науки, объ ея задачахъ, методѣ и содержаніи. Онъ напоминаетъ Бювара и Пекюше, двухъ идиотовъ романа Флобера. Они также бессознательно, безъ учителей и руководителей и безъ выбора, перелистывали извѣстное число

¹⁾ Въ рожденіе, стр. 99—100.

книгъ и убѣдили себя, что они такъ, шутя усвоили положительную науку; какъ невѣряемые люди, они старались примѣнять потомъ свои выводы, дѣлали, понятно, глупость за глупостью, и наконецъ, сочли себя вправѣ ругать всячески науку и заявлять, что она—глупая забава и обманъ. Флоберъ мстилъ такимъ образомъ за бесплодность своихъ попытокъ посвятить себя самаго въ тайны знанія... Толстой съ своей стороны охлаждаетъ неудачную страсть къ наукѣ, этой гордой и суровой красавицѣ, сердце которой можно завоевать только серьезною, долгою преданностію и самопожертвованіемъ, рисуя на сцѣнѣ дурацкія головы своихъ „Плодовъ просвѣщенія“. Вырождающійся Флоберъ и вырождающійся Толстой подаютъ другъ другу руку въ своемъ сумасшедшемъ бредѣ¹⁾.

Указавъ несостоятельность ученія Толстого по всѣмъ частнымъ пунктамъ и оцѣнивая въ общемъ все міровоззрѣніе его, какъ цѣлое, Нордау говоритъ слѣдующее: „Какъ философъ, онъ (Толстой) проповѣдуетъ намъ, въ видѣ понятій о мірѣ и жизни, библейскіе тексты, постоянно противорѣча имъ и дико ихъ толкуя. Какъ глашатай нравственности, онъ проводитъ теорію непротивленія злу и преступленію, раздачи имущества и уничтоженія человѣческаго рода посредствомъ воздержанія. Въ своемъ ученіи объ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ онъ настаиваетъ на вредѣ знанія и дѣлительной силѣ невѣжества, на упраздненіи промышленности и на благодати земледѣльческаго труда; не объясняя, откуда возьметъ тогда крестьянинъ необходимыя земледѣльческія орудія? Самое замѣчательное въ его системѣ, что она не замѣчаетъ своей собственной ненужности. Еслибы она поняла себя, она ограничилась бы одною проповѣдью воздержанія. Само собою ясно, что нѣтъ никакой надобности ломать голову надъ цѣлью и смысломъ человѣческой жизни, надъ зломъ и любовью къ ближнему, надъ жизнію въ городѣ или въ деревнѣ, когда мы все исчезнемъ, вмѣстѣ съ современнымъ поколѣніемъ, съ лица земли²⁾“.

Чѣмъ же объяснить себѣ то, что Толстой, одинъ изъ вели-

¹⁾ Вырожденіе, стр. 101.

²⁾ Вырожденіе, стр. 103—104.

кихъ и даровитыхъ писателей, могъ составить міровоззрѣніе, полное противорѣчій здравному смыслу и явныхъ нелѣпостей? На этотъ вопросъ Нордау даетъ слѣдующій отвѣтъ. „Истина въ томъ, что всѣ духовныя особенности Толстого могутъ быть прекрасно объяснены извѣстными и характерными чертами вырождающихся высшаго порядка. Онъ самъ рассказываетъ о себѣ: „Скептицизмъ довелъ меня, одно время, до состоянія близкаго къ сумасшествію. Мнѣ казалось, что помимо меня никого и ничего нѣтъ въ свѣтѣ, что явленія не суть явленія, а представленія о нихъ, только тогда проявляющія себя, когда я обращаю на нихъ вниманіе, и что они сей часъ же исчезаютъ, какъ только я перестаю о нихъ думать... Бывали часы, когда, подъ вліяніемъ упорно преслѣдующей меня мысли, я доходилъ до душевнаго разстройства, и кидался въ противоположную сторону, въ единственномъ расчетѣ, что тамъ я встрѣчу что-либо меня поражающее“. Въ своей Исповѣди онъ говоритъ слѣдующее: „Я чувствовалъ, что я не со всѣмъ здоровъ душевно“. Это чувство не обманывало его. Онъ страдалъ манією сомнѣнія и „умствования“, въ той формѣ, какъ это наблюдалось на многихъ вырождающихся высшаго порядка... Особенностію указанной болѣзни является страсть къ противорѣчіямъ и склонность къ самостоятельнымъ во что бы то ни стало взглядамъ. Одинъ изъ лучшихъ клиницистовъ, Солбе, называетъ послѣднюю особенность характерною чертою выражающихся. У Толстого она выступаетъ въ извѣстные моменты очень ярко. „Въ стремленіи быть самостоятельнымъ, сообщаетъ его біографъ Левенфельдъ,—Толстой часто оскорбляетъ требованія эстетики, сражаясь съ установившимися авторитетами *только* потому, что они давно установились. Такъ, онъ называетъ Шекспира дюжиннымъ писакою, и утверждаетъ, что восторги передъ великимъ британцемъ объясняются ничѣмъ другимъ, какъ нашею привычкою повторять чужіе взгляды, не продумавъ ихъ“¹⁾.

Далѣе Нордау рассматриваетъ снова сужденія Толстого о разныхъ предметахъ, указывая признаки его умственной ненормальности и душевнаго разстройства, ложнаго направленія разсудочной дѣятельности.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 107.

Увлеченіе идеями Толстого Нордау также признаетъ явленіемъ ненормальнымъ и даже патологическимъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу. „Въ міровой извѣстности Толстого замѣчательный художественный талантъ, безъ сомнѣнія, играетъ большую, но далеко не главную роль. Приверженцевъ завоевали ему не лучшія и значительнѣйшія художественныя его произведенія, а болѣе позднія мистическія (?) работы. Его вліяніе покоится не на эстетическихъ, а на патологическихъ основахъ. Толстой сталъ бы неизвѣстнымъ учителемъ вѣры, какъ какойнибудь Кнудсенъ семнадцатаго вѣка, еслибы сумасбродство вырождающагося мистика не встрѣтило подготовленныхъ къ воспріятію его современниковъ. Принявшая эпидемическій характеръ истерія подготовила почву толстоизму, и онъ далъ пышный цвѣтъ. Что возникновеніе и распространеніе послѣдняго покоится не на внутреннемъ содержаніи произведеній Толстого, а на душевномъ строѣ читателей, видно изъ того, какъ эта система воспринимается различно въ каждой странѣ... Въ Англіи горячія сочувствія встрѣтила брачная теорія Толстого; экономическій строй страны осуждаетъ на безбрачіе громадное число дѣвушекъ образованнаго класса. Эти жалкія существа находятъ себѣ утѣшеніе и черпаютъ бодрость духа для одинокой и безсодержательной жизни въ ученіи, превозносящемъ цѣломудріе, какъ высшее достояніе и высшее благо человѣка. „Крейцерова соната“ сдѣлалась евангеліемъ старыхъ дѣвъ Англіи. Во Франціи любятъ Толстого больше за то, что онъ выбрасываетъ за окно науку, осуждаетъ правящіе классы, проповѣдуетъ бѣдность и вѣру (?); для неокатоликовъ и для мистиковъ изъ символистовъ это—цѣлительный бальзамъ, и они создали изъ ученія Толстого свой храмъ. Въ Германіи теорія воздержанія „Крейцеровой сонаты“, „Исповѣдь“ и „Плоды просвѣщенія“ встрѣчаютъ мало сочувствія, но коммунистическія теоріи и болѣзненная любовь къ ближнему создали Толстому горячихъ поклонниковъ. Всѣ слабыя нѣмецкія головы, не желающія знать науки, всѣ истеричные и больные, чувствуютъ невольныя симпатіи къ сладковатому социализму, проповѣдующему курицу въ супѣ для пролетарія и описывающему жизнь въ большихъ городахъ въ чувствительныхъ романахъ и мело-

драммахъ. Для нихъ Толстой—живой источникъ экономическихъ и нравственныхъ законовъ“¹⁾.

Свое сужденіе о Толстомъ и его ученіи Нордау заключаетъ слѣдующими словами: „Толстоизмъ, встрѣтившій откликъ во всѣхъ частяхъ земного шара, сдѣлался знаменемъ. И по такому знамени легче всего судить о паденіи современной литературы и о силѣ вырожденія и истеріи культурныхъ народовъ. Это—настоящіе „сумерки народовъ“²⁾.

Вотъ какое сужденіе о Толстомъ и его ученіи высказываетъ одинъ изъ лучшихъ и чуждыхъ всякой предвзятости и партійности западно-европейскихъ ученыхъ. Но не нужно думать, что въ этомъ отношеніи Нордау представляетъ собою какое-либо исключеніе. Кромѣ двухъ-трехъ лицъ (Вогюэ, Родъ), считающихся учеными, но не пользующихся особенною популярностію, почти всѣ серьезные и мыслящіе люди въ Европѣ, находятъ Толстого если и не вполне душевно-больнымъ, то по меньшей мѣрѣ не здравомыслящимъ, „сбитымъ съ толку“, человѣкомъ ищущимъ популярности уже не талантомъ, а игрою на струнахъ анархизма и нигилизма.

„Мы переживаемъ въ настоящее время,—говоритъ Нордау³⁾,—острую массовую душевную болѣзнь, въ нѣкоторомъ родѣ чуму вырожденія и истеріи, и совершенно естественно, если нѣкоторые спрашиваютъ себя съ тревогою: „Что же будетъ дальше?“

Истинно просвѣщенные люди даже и на западѣ предупреждаютъ всѣхъ здравомыслящихъ подумать о той пропасти, которая зіяетъ предъ ними; они совѣтуютъ не избирать въ почетные члены душевно-больныхъ, а позаботиться объ ихъ излеченіи. Къ прискорбію Толстой и большинство „толстовцевъ“ признаются неизлечимыми. „Кто имѣлъ по своей специальности дѣло съ сумасшедшими,—говоритъ по этому поводу Макс Нордау⁴⁾,—тогъ знаетъ, что совершенно бессмысленно уговорить ихъ или доказать имъ, что ихъ болѣзненные представленія ложны. Единственный результатъ будетъ только тотъ, что они причислятъ врача къ своимъ врагамъ и преслѣдователямъ

1) Вырожденіе, стр. 111—112.

2) Тамъ же, стр. 112.

3) Вырожденіе, стр. 422.

4) Вырожденіе, стр. 437.

и возненавидать его или посмѣются, какъ надъ глушцомъ. Большимъ фанатикамъ новыхъ модныхъ теченій, которые стоятъ пока на границѣ къ полному помѣшательству, было бы также бесполезно проповѣдывать, что они увлекаются психопатіей и суемудріемъ. Они не повѣрятъ намъ, да и не могутъ повѣрить. Дѣло въ томъ, что произведенія, бессмысленность которыхъ бросается въ глаза съ перваго взгляда всякому здоровому человеку, доставляютъ имъ искреннее наслажденіе. Они отражаютъ ихъ собственную душевную ненормальность, ихъ извращенные инстинкты; эти полудиоты впадаютъ при чтеніи ихъ въ настоящій трансъ и познаютъ высшее эстетическое наслажденіе... Здравый критикъ можетъ говорить сколько угодно ненормальному вырождающемуся: „Эта книга — отвратительный бредъ помѣшаннаго“. Онъ совершенно искренно отвѣтитъ вамъ: „Бредъ? Можетъ быть. Но отвратительный бредъ? Этого я не допускаю. Я понимаю въ этомъ толкъ больше вашего. Произведеніе сильно волнуетъ и трогаетъ меня, и ваши слова не убѣдятъ меня, что ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности“. Болѣе ненормальные идутъ дальше: „Мы чувствуемъ всѣми своими нервами красоту произведенія; вы этого не чувствуете; тѣмъ хуже для васъ. Въмѣсто того, чтобы сознаться въ своемъ невѣжествѣ, дикости и тупомъ филистерствѣ, вы хотите отрицать реальность нашихъ чувствъ. Если и есть здѣсь помѣшанный, то это вы сами“. Исторія цивилизаціи учитъ насъ, что душевно-больные возбуждаютъ часто горячіе восторги, и въ теченіи столѣтій и даже тысячелѣтій царятъ надъ мыслями и чувствами милліоновъ людей, иногда потому только, что удовлетворяютъ назрѣвшей, хотя и болѣзненной, потребности. Противъ всего, что доставляетъ людямъ наслажденіе, безсильны доводы разсудка. Вырождающіеся, какъ психически ненормальные, могутъ быть предоставлены собственной судьбѣ. Спасти и исправить ихъ нельзя. Они будутъ буйствовать еще нѣсколько времени и затѣмъ исчезнутъ“. Но такъ какъ ихъ болѣзнь не только неизлѣчима, но и крайне заразительна, то даже западно-европейскіе ученые настойчиво требуютъ совершеннаго изолированія ихъ отъ здоровыхъ элементовъ общества, какъ изолируются карантинномъ зачумленные и неблагополучныя мѣстности. Нужно заботиться о томъ, чтобы спасти отъ заразы

здоровыхъ, если уже нельзя спасти этихъ несчастныхъ неизлѣчимыхъ больныхъ, обреченныхъ на погибель.

Впрочемъ, и среди увлекающихся лжеученіемъ Толстого не всѣ должны быть признаны безнадежными, потому что зло это „охватило не только тѣхъ, кто, въ силу органическаго предрасположенія долженъ былъ попасть въ водоворотъ, но и многихъ павшихъ жертвою моды, введенныхъ въ заблужденіе. Вернуть этихъ заблудившихся на истинный путь, говорить Нордау¹⁾, надежда еще не потеряна“, и предоставлять ихъ на произволъ судьбы было бы безнравственно и жестоко. „Этимъ легкимъ больнымъ или здоровымъ, попавшимъ въ сѣти новыхъ словъ, бѣгущимъ туда, куда спѣшитъ толпа, необходимо доказать“ всю ложь самаго ученія, „нужно сорвать съ него маску, въ какой оно является передъ міромъ и раскрыть его во всей жалкой наготѣ“²⁾, лишить его ореола новизны, на которую оно не имѣетъ никакого, права и показать до очевидности, что оно предлагаетъ взгляды, уже отвергнутые здоровымъ человѣческимъ разумомъ.

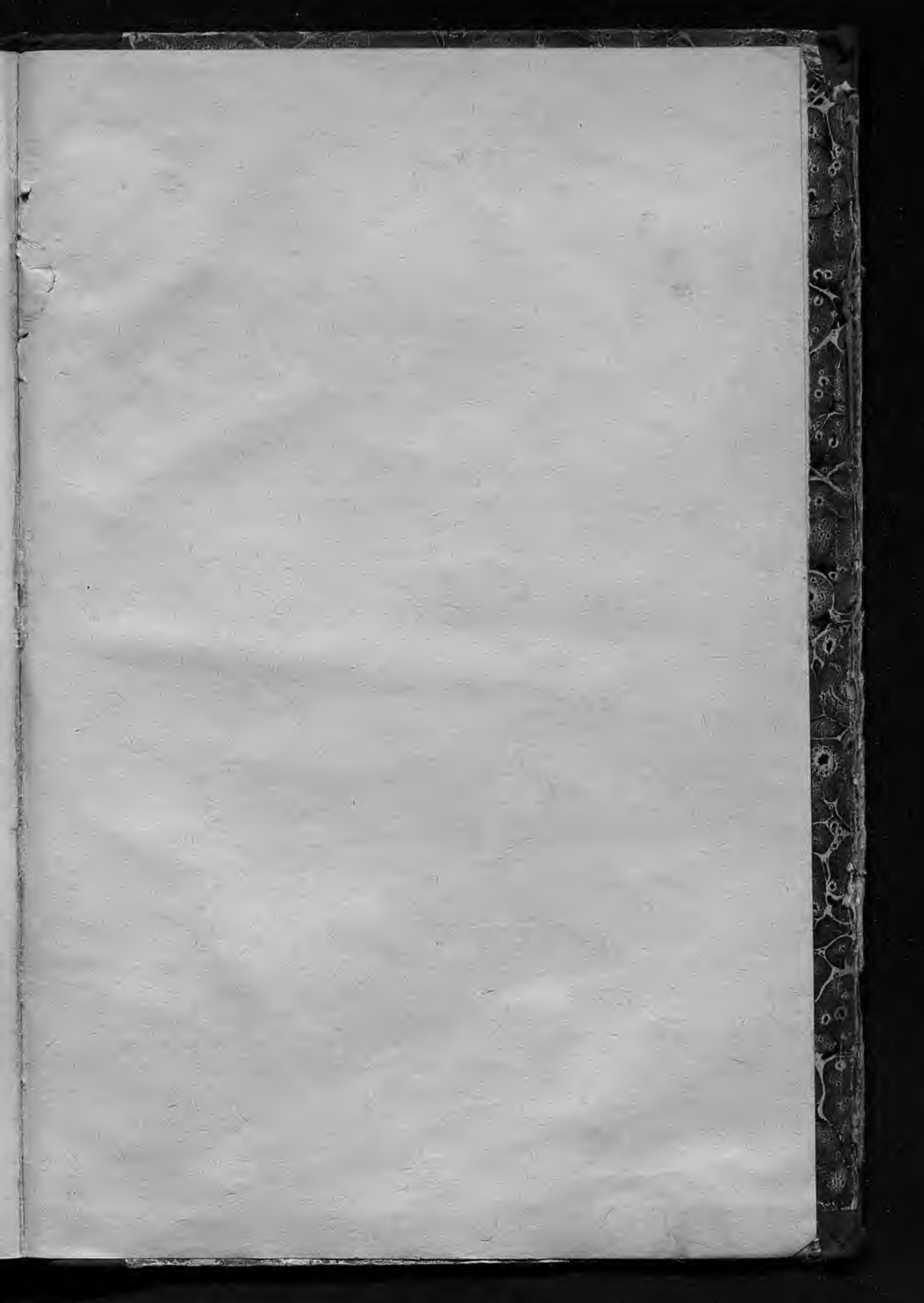
Въ частности для борьбы со зломъ, которое причиняется обществу лжеученіемъ Толстого, и для оздоровленія самаго общества люди истинно-ученые и благоразумные даже въ западной Европѣ указываютъ намъ на слѣдующія средства: 1) Энергическія, своевременныя и благоразумныя мѣры со стороны правительства, такъ какъ, оставивъ теоретическую почву, лжеученіе Толстого перешло на чисто практическую и стремится лишь къ тому, чтобы расшатать основы семейной, общественной и государственной жизни; 2) опроверженія и разоблаченія лжи въ ученіи Толстого съ указаніемъ на его разрушительный характеръ путемъ литературнымъ и чрезъ публичныя чтенія; 3) распространеніе въ обществѣ здоровыхъ и истинно христіанскихъ понятій и, наконецъ, 4) воспитаніе и школьное образованіе юношества на началахъ здоровыхъ и разумныхъ, вполне согласныхъ съ духомъ истиннаго христіанства. Отвергать разумность и цѣлесообразность этихъ средствъ нельзя. Прискорбно и для русскаго общества будетъ только губительно, если мы не пожелаемъ или не съумѣемъ воспользоваться мудрыми совѣтами благоразумныхъ людей.

1) Вырожденіе, стр. 439.

2) Вырожденіе, стр. 441.

The first part of the paper is devoted to a general
 consideration of the problem. It is shown that
 the problem is equivalent to a problem in
 the theory of differential equations. The
 second part of the paper is devoted to a
 detailed study of the problem. It is shown
 that the problem is solvable in closed form
 in certain cases. The third part of the
 paper is devoted to a study of the
 asymptotic behavior of the solutions of the
 problem. It is shown that the solutions
 of the problem approach a certain limit
 as the parameter of the problem tends to
 infinity. The fourth part of the paper
 is devoted to a study of the stability
 of the solutions of the problem. It is
 shown that the solutions of the problem
 are stable under certain conditions. The
 fifth part of the paper is devoted to a
 study of the numerical solution of the
 problem. It is shown that the numerical
 solution of the problem can be obtained
 with a high degree of accuracy. The
 sixth part of the paper is devoted to a
 study of the physical interpretation of the
 problem. It is shown that the problem
 has a clear physical interpretation. The
 seventh part of the paper is devoted to a
 study of the historical development of the
 problem. It is shown that the problem
 has a long history. The eighth part of
 the paper is devoted to a study of the
 current status of the problem. It is shown
 that the problem is still an active area
 of research. The ninth part of the
 paper is devoted to a study of the
 future prospects of the problem. It is
 shown that the problem has a bright
 future. The tenth part of the paper is
 devoted to a study of the bibliography
 of the problem. It is shown that there
 is a large amount of literature on the
 problem.

Received by the Editor
 January 15, 1955

154
мб/на
Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

Складъ изданія въ Харьковской Духовной
Семинаріи. Съ требованіями надсѣно обращаться
въ г. Харьковъ, въ редакцію журнала „Вѣра
и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семи-
наріи.

4р 60 коп.

